

Антон ЛУКИН

*с. Дивеево**Нижегородской области*

ЧУДАК-ЧЕЛОВЕК

рассказы

ВЫКУП

*Торопись жить,
пока ещё к жизни годен.
Время не умеет ходить —
это мы проходим.*

Василий Попов

У подъезда многоэтажного дома, закинув ногу на скамью, стоял мужчина средних лет. Он тяжело дышал. Влажная от пота рубашка, застёгнутая на нижнюю пуговицу, прилипла к телу. Из-под кепки торчали влажные волосы. Мужчину звали Вадимом Буряковым. Проживал он в этом доме на четвертом этаже. Неделю назад схоронил отца и теперь избавлялся от ненужного, как ему казалось, хлама.

Дряхлый разобранный шкаф, старый ковёр, пальто, поеденное молью, лампу, радиоприёмник и маленький письменный стол, за которым давно никто не сидел, уже снёс к мусорным контейнерам. Теперь пытался избавиться от книг, которых в комнате покойного отца было невероятное количество. Папаша любил провести свободное время за книгой и часто твердил, что без чтения жизнь его теряет всякий интерес. После ухода старика книги в глазах сына так и не приобрели ценности и смысла. Вынося последнюю связку, Вадим бросил книги у скамьи и, смахнув пот, закурил. Оставалось всю эту макулатуру дотащить к мусорным бачкам — и баста.

— Вот же зараза, — процедил он. — Накопил за семьдесят лет барахла. Старый дурень... А мне теперь мучайся.

Пнув ботинком книги, Буряков присел на скамью. Пока соображал, как бы всю эту гору книг поскорее убрать с глаз долой и не надорваться, подошёл сосед Аркадий Носик — небольшого роста, сморщенный, худой, для своих пожилых лет весьма подвижный и лёгкий на ногу.

— Ну!.. Чего тебе здесь? Мёдом намазано? — пробубнил Буряков. — Ступай, куда шёл. Не елозь перед глазами. И так тошно.

Сосед, глядя на книжные связки, в недоумении почесал затылок:

— Неужели избавиться решил?

— А если и так. Тебе до этого какое дело? Захочу — и вовсе сожгу. Имею право.

Аркадий разглядывал надписи на обложках. Перед ним лежали собрания сочинений Пушкина, Гоголя, Есенина, Достоевского, Тургенева, Куприна, Горького, Чехова... Виднелись имена Абрамова, Белова, Распутина, Шуртакова, Тимонина, Рыжакова... Неужели всё это может уйти на свалку?

От обиды Носик отвёл глаза и тихо произнёс:

— Такое богатство дураку досталось, а он его, грешный, с грязью смешать желает. Это же... это... Такому и родину продать — раз плюнуть.

— Но-но-но, старый! — опешил Буряков. — Я ведь не посмотрю, что седой и кашляешь. Враз угомоню... Пшёл отседова.

Аркадий Носик в задумчивости тронул пальцами сухие губы и, ещё раз посмотрев на книги, сказал наконец:

— Значит, так. Мы поступим иным образом. Если книги не нужны — я их забираю... Не соизволите помочь отнести их в мою квартиру? — приметив недобрый взгляд собеседника, Носик осёкся: — Хотя... не извольте беспокоиться. Я и сам со всем справлюсь. Спасибо. — Наклонившись, он принялся разбирать книги.

Буряков следил за каждым его движением и молчал, шуря глаза. Неприязнь к этому маленькому человеку вспыхнула в душе с особой силой. Ощущение у него было такое, будто в ясную погоду вывели прогуляться в сапогах и с зонтом на потеху людям. И, хотя книги Бурякову были не нужны, слова о том, что он такой-сякой мерзавец и родину продаст, обидели сильно. Да и раньше судьба не раз сталкивала лбами их с Носиком. Когда Буряков напивался и шумел то в подъезде, то во дворе, добродушный сосед не брезговал вызвать наряд милиции.

— Руки! — крикнул Буряков. Такого поворота Носик не ожидал и потому с испугу попятился назад. — Так вот ты, оказывается, какой! Стоит зазеваться, как ты уже чужое добро присвоить готов. Лихо! Ничего не скажешь... С тобой, папаша, держать ухо востро нужно.

— Да чтобы я!.. Чужое?.. Да никогда в жизни! — опешил Носик.

— Знаем-знаем. Все мы чистенькие и пушистые, пока за хвост не поймают. Так и живём, да?! — рассмеялся Буряков.

Растерянный вид соседа его сейчас особо радовал.

Аркадий Носик от волнения часто заморгал. После продолжительного молчания — признаться, слова Вадима и впрямь ошарашили, — спросил:

— Разве тебе они нужны?.. Книги-то...

— Не твоё дело. Порву каждую книжечку на твоих глазах на сто маленьких кусочков, и ничего ты мне не скажешь. Моё право. Можешь милицию на меня вызвать, скорую или пожарных... Это ты умеешь. Знаю, проходили, — Буряков ухмыльнулся. — Лучше ими печь на даче топить буду, чем такая пигалица, как ты, заполучит моё добро... Ступай, куда шёл. Ничего тебе здесь не светит.

Аркадий знал, по какой причине Вадим пытается отомстить ему. Не раз случалось Носику делать замечание Бурякову, когда тот во дворе бранился матом при детях, мусорил и пакостил в подъезде. А на пьяные его дебоши приходилось звонить в полицию. Телом Вадим крепок, душа горячая, кулак тяжёлый. Разве с таким справишься или что объяснишь? Когда в пьяном безумстве человек творит неведомое, лучше всего отвести от греха и людей, и его самого... Нет, понимал Аркадий, книги ему сосед не отдаст. И впрямь сожжёт. Так всё и будет. «Не дрогнет рука посягнуть на святое, на чистое, светлое, на... — Аркадий прикрыл глаза. — Нет. У такого не дрогнет».

Идея!

— Тогда продай, — попросил Носик.

Буряков расплылся в улыбке. Этого он никак не ожидал.

— Вот это другое дело, — потёр он руки. — А то халявы захотел!.. Халява, она ведь, милый мой, и укусить, и лягнуть может. А так — заплатил и спи спокойно. Правильно?.. И тебе хорошо, и мне не обидно.

— Сколько попросишь?

Вадим хлопнул себя по бедрам и радостный от того, что держит надоедливую соседку в кулаке, поднялся со скамьи.

— Грабить не стану. Так и быть. Миллиона у тебя всё равно нет. Хм, отдам почти даром. Полсотни за книгу. Но чур забираешь всё. Годится?

— Договорились, — согласился Аркадий.

– Вот и славно, – и Буряков, запрокинув голову, крикнул: – Зинка!.. Ау! Чтоб тебя, Зинка!..

В окне дома показалась женщина годов тридцати.

– Ну, чего разорался? Весь дом на уши поднял. Пожарю тебе котлеты. Угомонись только.

– Это всё потом, детка! Потом. И водочки мне нальёшь, и котлет нажаришь. А сейчас неси калькулятор.

– Чего нести? – опешила Зинка.

– Калькулятор! – крикнул Вадим.

Женщина, пожав плечами, закрыла окно.

– Сейчас всё подсчитаем, прикинем, взвесим... и будет тип-топ. Спешить в этом деле, сам понимаешь, только кур смешить.

Женщина в халате и домашних тапочках вышла из подъезда и протянула Вадиму калькулятор. На вопрос, зачем он ему понадобился, Буряков только махнул рукой: не мешай, мол, потом объясню.

Зинаида молча ушла.

– Погляди какая, а! – расплылся в улыбке Вадим, поглядывая на удаляющуюся женскую фигуру. – Кровь с молоком. Всё при ней. Стоит лишь бровь поднять – она уже знает, что мне нужно. Во какая! Не баба, а золото... На рынке познакомились. Теперь живём вместе. Женюсь, наверное, – и начал считать книги.

Носик припомнил, что девиц за последнее время сосед сменил немало. Были и дерзкие, и молчаливые, худые и полные. Всякие были. Правда, рядом с ними соседка вёл себя как-то более-менее скромно. Не буйствовал. Видать, прекрасный пол умел угодить озорной душе Вадима, что даже пьяным он не пытался скандалить. Хулиганил, лишь когда оставался один. По какой причине не ладилась его личная жизнь, Аркадию известно не было.

Спустя время Вадим подал голос:

– И-та-ак! Что мы имеем? Триста двадцать четыре книги. Умножаем на пятьдесят, так? Так. Получается, – Вадим нажал кнопки калькулятора и даже присвистнул, – шестнадцать двести.

– Сколько?! – поднял брови Аркадий. – Н-да... Немалая сумма.

– Ну, а ты как хотел? Нынче всё дорого. Так и быть. Двести рублей скину по-соседски. Но

ни копейкой больше. Смотри сам, коль потянешь ношу, то по рукам. Ежели обхитрить вздумаешь... Не советую со мной шутить!

– Деньги будут, – заверил Носик.

– Вот и славно, – довольно кивнул Буряков.

Аркадий поспешил к себе в квартиру. Нет, таких денег у него не было. Да и откуда они могли взяться с его маленькой пенсией! На те гроши, что получал от государства за свой трудовой вклад в развитие страны, можно было лишь скромно существовать, не более. И всё же Носик, экономя каждую копейку, умудрялся откладывать самую малость на чёрный день. Но и этих денег было немного. Аркадий достал из серванта завёрнутый в платок старый кожаный кошелек, развязал зубами узел, вынул деньги и с волнением пересчитал. Семь тысяч. Носик присел на край дивана. Где взять недостающую сумму – этого он не знал. Даже если пройтись по знакомым и спросить в долг, не хватит. Это не десять и не пятнадцать лет назад, когда все его старые приятели были при работе и могли выручить рублём. Он и сам выручал не раз. Теперь многих уже нет. А те, кто ещё ходит по земле-матушке, как и он, держатся от пенсии к пенсии, ругая правительство и ненавидя старость. Нет, не позволит совесть попросить у них в долг.

Сжимая в кулаке деньги, Аркадий вышел из квартиры. На скамье, охраняя книги, сидела Зинаида.

– А где Вадим?

Женщина крикнула Бурякова. Из окна показался Вадим.

– Тебя спрашивают! – не скрывая недовольства, кивнула она на Носика.

– Принёс? – спросил Вадим, жуя котлету. Аркадий показал деньги. – Шас спущусь.

На ходу обтирая ладонью жирные губы, Буряков вышел из подъезда. Было видно, что уже принял на грудь. Глаза блестели, улыбка стала острой, нехорошей.

– Ну, чего там у тебя? Показывай.

– Вот, – Носик протянул деньги. – Больше нету.

– Ты, старый, шутить вздумал? – озлобился сосед. – Я тебе что говорил? Уговор на сколько был?

– Правда, больше нет.

— Уговор, спрашиваю, на сколько был?
 — Нету больше, — заверил Носик. — Честное слово. Не воровать же идти...

— А хоть бы и так!

— Будь человеком. Я же отдам. Обещаю.

— Ах, человеком? — Вадим расплылся в улыбке. — Какой же я человек, когда ты давно меня сволочью окрестил. Али забыл?.. Дал слово — так держи его. Землю рой, но найди. Или в книгах об этом не пишут? — направляясь обратно в дом, Буряков добавил: — По пустякам не тревожь. Не в том настроении сейчас.

Аркадий понуро глядел на закрывшуюся за Вадимом железную дверь. Где брать деньги, он не знал. Ещё раз посмотрел на книги, и в глазах блеснули слёзы. Ведь нельзя же так. Нельзя.

— Чего думаешь? — обратилась к нему Зинаида. — Стоит, глазами водит. Долго мне прикажешь здесь сидеть?

Носик, ничего не ответив, направился к подъезду. Была маленькая надежда занять у соседа этажом выше. Тот работал учителем, и Аркадий иногда захаживал к нему вечером скоротать время. За чашкой чая играли партию-другую в шахматы. Жил он один. Вот ведь тоже... Кто-то пьёт водку, дебоширит и нравится женщинам. Другой детишек учит, скромный, воспитанный — и один-одинёшенек, как в поле берёза. Полна жизнь несправедливости. И то правда.

Учитель одолжил три тысячи. На большее Аркадий не рассчитывал. Был благодарен и за то.

Расхаживая по квартире, Носик всеми силами пытался что-нибудь придумать, но ничего не лезло в голову. Спросить у своих детей? Нет. Они, конечно, могут дать, но кто знает, а вдруг деньги понадобятся им самим? Нет, впутывать детей не стоит. Поговорить вновь с Вадимом? Ведь больше половины уже собрано. Но, припомнив последние его слова, Носик выкинул из головы и эту идею. Чего доброго, и впрямь дурное совершит.

И откуда столько ненависти в людях? Чего не хватает? Крыша над головой имеется, брюхо не голодает, руки-ноги при себе... живи, трудись, радуйся жизни. Не умеем дорожить ценностями, которые имеем, культурой, словом, что оставили нам наши предки. Готовы уничтожить, сжечь до последнего клочка бу-

маги, как последние варвары, всё, что годами передавалось из поколения в поколение. Гордимся своей необразованностью. Радует деградации...

* * *

Когда Аркадий вышел во двор, на скамье его поджидал Буряков. Носик вынул из кармана деньги и протянул соседу, тот, лизнув пальцы, быстро пересчитал купюры. Шестнадцать двести. Ровно.

— Это совсем другое дело, — улыбнулся он. — Вопросов больше не имею. Забирай товар. — И, пошатываясь, Буряков пошагал в сторону магазина.

Аркадий, присев на скамью, смотрел на книги, которые нужно было перенести в квартиру...

Следующим утром на этой самой скамье сидели две женщины.

— ...Из сорок седьмой... небольшого роста ещё... Носик — фамилия. Поняла о ком? — завела беседу одна. — Приходил вчера во второй половине дня. Телевизор предлагал. Сын купил. А чего? Почти новый. Тот на него столько лет копил и отдал в пять раз дешевле... Мой-то совсем барахлил.

— Да ты что!.. — всплеснула руками вторая.

— Да-да. Заберите, говорит, деньги срочно нужны. И на что нужны, знаешь? Так вот слушай дальше. Из тридцать девятой, значит... Филиппыча сын... хотел книги выбросить. А этот у него купил их. Все!

— Все?

— До единой. Свои деньги потратил да занимал сколько! Чудак-человек.

— Жалко, если умом тронулся.

— Жалко, конечно. Но... кто от этого застрахован? Годы. Годы...

И обе перевели взгляд на окна квартиры, в которой проживал Аркадий Носик.

КРИЗИС СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА

Тетюрин Василий запил.

Это был крепкого телосложения мужчина со-рока двух лет. Был он из больших тружеников. Работать любил и, главное, умел. Любое дело в его руках ладилось — любо поглядеть. С утра и до позднего вечера весь в делах. После завершения трудового дня не спешил, как многие, на диван к телевизору, а закатывал рукава и шёл во двор. Работы и дома находил непечатый край.

Ещё и людям помогал. Обращались к Василию за помощью одинокие бабы или же те, у которых мужья спились. Мужская рука везде и всегда необходима. Просили и знали, что Василий не откажет. Так и было. И от одной соседки Тетюрин шагал к другой со своим инструментом. Денег не брал. На предложение присесть за стол и отобедать отказывался: некогда, мол.

— Ничего, — скромно ронял Василий у порога. — Это — авансом. Ещё отблагодарите. Успеваете. Земля круглая.

Так и было.

В загул Тетюрин уходил раз в году в одно и то же время — в сентябре. Брал отпуск и три недели, не просыхая, пил. Последнюю неделю отлёживался: ел одну крошку, не выходил из дома. А после снова возвращался к работе и, как вол, не разгибая спины, до позднего вечера трудился.

Когда Тетюрин напивался, не тратил из семейного бюджета ни копейки. Вот тут-то и вспоминались Васькина доброта и золотые руки. К сентябрю бабы запасались самогоном и все три недели принимали Василия как дорогого гостя. Пятилитровыми банками выдавали Тетюрину самогон и закуску на любой вкус. Каждая соседка знала, что Василий три недели будет ходить по дворам и собирать «авансы», и каждая пыталась угостить получше, чтобы не осрамиться в Васькиных глазах.

За стол тот никогда не садился. Выпивал с хозяйшкой стопочку, благодарил и, приняв

угощение, шёл с мужиками куда-нибудь за село. Всё это время, пока Вася пьянствовал, за ним по пятам ходили любители принять на грудь. Знали, что у Васи есть и что не откажет.

— ...Маруся, говорю ей, у меня настал кризис среднего возраста. Этого ни одному мужику не избежать, — бывало, жаловался Тетюрин на жену. — Неужто я не могу душу свою залечить? Что ты, говорю, меня терроризируешь так, что мне и домой заночевать идти неохота!

— ...Правильно, Вася. Правильно, — кивала какая-нибудь одинокая бабёнка. — Как же не выпить? Поди, и ты такой же человек. Душа она у всех одна. Ей отдыхать иногда положено.

— Вот и я ей об этом же толкую. А она всё одно: не ходи по домам, не позорь меня. Хуже, говорит, попрошайки. А какой же я попрошайка? Я авансы собираю. Верно ведь?

— ...Верно, Вася. Верно, милый, — кивала головой иная вдовушка. — Не слушай ты никого. И Марусю свою не слушай. Ты извини меня, конечно, — суетливо поправляла соседка платок, — но она у тебя какая-то суматошная. Вроде и душой не назовёшь. А всё туда же. Да на такого мужика молиться надо и день, и ночь, а она ещё ноздри раздувает. Не совестно? Вот скажи мне, а? Не совестно ей?

— Кризис у меня. Кризис среднего возраста. Разве я что поделать могу? — оправдывался Василий. — Я ить и поделать ничего не могу. Это сильнее меня. Так природой заведено. А против природы не пойдёшь. Кто я такой, чтоб против матушки-природы идти? Да вша зелёная.

— Ох, Вася! Был бы ты у меня в мужьях, как принц персидский жил бы. Раз в год — это не страшно. Раз в год даже нужно развеяться. Человек ты али не человек в самом-то деле?.. Какой скотине — и той отдых нужен. А тут мужику раньше времени могилу копают. Не ценит она тебя, Вася. Ох, не ценит. Не такую жену тебе надо.

На таких словах Тетюрин обычно хмурил бровь, и разговор переходил на другую тему.

Замужние бабы, подавая Василию магарыч, просили и умоляли только об одном:

— Если мой появится, гони ты его, Вася, в шею. Дай по заливку разок, чтоб по пятам не ходил, негодник такой. Он мне, ирод эдакий, всю жизнь искалечил...

Да только все знали, что Вася не такой, чтоб от кого-то прятаться, да ещё и прогонять, когда есть чем себя и других побаловать.

Уйдя за село, расположившись где-нибудь у оврага, Василий с мужиками оценивал самогон.

— ...Твоя совсем гнать не умеет, Павлуша, — кряхтел кто-то из пьянчуг. — Как ослиная жидкость.

— Чаво? — хрипел Павел, самогон жены которого теперь пробовали.

— Того. Завсегда твоя Лариска жадничает. И тут поскупилась сахарку да дрожжей купить. Как вода.

Павел оправдывался и всеми силами заступался за жену. Мол, продукт хороший, это только вам, алкашам, уже и чистый спирт сиропом покажется.

— Вася, скажи им. Ну, скажи! — ругался Павлуша.

— Пойдёт, — кротко отвечал Тетюрин.

— Мило дело у Леонидовны братъ. Эта ведьма знает, как мужика порадовать. Ещё при царе Горохе гнать стала. Пожалуй, пока в землю не ляжет, так и будет брагу ставить, — говорил один. — Эта знает толк в самогонварении.

— Знает, — соглашались с ним остальные и разливали ещё по одной.

Василий выпивал, закусывал и задумчиво глядел на большие кудрявые облака, что медленно заползали друг на друга. Был он немногословен. Не любил попросту трепать языком. У трезвого и слова не вытянешь. Больше работал и молчал. Когда же наступал «кризис среднего возраста», Тетюрин заметно оживлялся и даже, как замечали за ним, любил чуток свалить дурака.

Среди ныне появившихся товарищей Васю больше всех радовал Аркаша — мужик тридцати четырёх лет. Одна нога у него была короче другой. При ходьбе сильно хромал. Но это не мешало ему выплясывать на свадьбах и других праздниках. Иной раз такого стрекача задаст — всем на диво! Аркаша играл на баяне и всегда, всюду ходил с инструментом. Где Аркаша — там и музыка. А где музыка, там, конечно, праздник. Аркашу нередко звали посидеть и всегда угощали. Весёлый малый, было с ним как-то легко. И потому, как только уходил Василий в отпуск, почётное место рядом с ним занимал баянист. Пока шага-

ли к оврагу по селу, Аркаша играл на баяне, а позади несколько голосов вразной горланили песню. И лишь Василий не пел. То и дело запускал он руку в карман и лузгал семечки, важно шествуя по улице, как барин.

Маруся, жена его, не знала, куда в такие дни глаза девать.

— Ну что ты так мучаешься? — успокаивали её. — Подурит немного да перестанет.

— Смеются ведь все над ним. Как же не переживать? — сквозь слёзы вздыхала женщина. — Стыдоба-то какая. Стыдоба.

Вот и сейчас, испробовав самогону Павлушиной жены, Тетюрин взмахнул рукой — дал команду. Аркаша взял баян, и мелодия полилась по всему оврагу, уходила она в село, где местный люд понимал и догадывался, по какому случаю праздник и кто гуляет. Если Аркаша затягивал грустный мотив, его старались перебить, но Василий показывал тем, кто мешает, кулак — тогда все успокаивались и внимательно слушали.

А Аркаша мог не только играть хорошо, но и петь. Так голоском своим, негодник, всю душу истеребит, что она потом долго не знает, как успокоиться. Вася плакал, слушая Аркашу. Хватался за голову, тряс ею и изредка подпевал:

*Ой, то не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит,
То моё, моё сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит.
То моё, моё сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит...*

Затем снова выпивали. И наступал привычный галдёж. Кто-нибудь обязательно рассказывал смешные истории из жизни, и Василий, щуря глаза, со всеми смеялся. Любил он послушать местные байки и, хотя сам придумывать и слагать так не умел, слушал с большой охотой. Среди нынешней компании находились заядлые рыбаки и охотники. Потому историю о том, как однажды выловили такую рыбу, что она и в лодку не поместилась, пересказывали не по одному разу. А рассказ о том, как кто-то раненого медведя душил самолично «вот этими самыми ладонями», когда кончились патроны, веселил Васю особенно. Он тоже пытался

что-нибудь рассказать эдакое смешное. Даже придумывать пробовал, но не выходило.

— Ничего. Трепать языком не каждому дано, — объясняли ему. — Зато Бог руками и головой наградил.

Это высшая похвала и награда. Каждый говорил Тетюрину, какой он молодец. Лести в словах не было. Василия действительно все уважали. Признавались, что если бы не алкоголь, то и они могли бы ещё о себе заявить так, что многие бы ахнули. И честно кивали, что нету сил покончить с пьянками. Искренне завидовали Тетюрину, который лишь раз в год позволял себе расслабиться и «отдохнуть».

Тот слушал и жалел каждого. Ведь перед ним сидели ещё не старые люди, которые, если бы сжали волю в кулак, в самом деле могли бы поменять жизнь — повернуть русло реки в обратную сторону. Но, видимо, вино сильнее... Оттого, как один честно признавался, ушла от него жена, другой горевал, что его ещё терпят, но уже ни в грош не ставят: живёшь — живи, помрёшь — схороним. А ведь и они когда-то, лет десять-пятнадцать назад, были лучшими комбайнёрами, каменщиками, электриками, сварщиками... Но зелёный змей взял своё.

В такие моменты Аркаша брал баян и, стараясь развеять обстановку, прогнать внезапно навалившуюся грусть, запевал что-нибудь весёлое. Тогда игривая мелодия, как молодая лошадка, била копытами в душу, и на лицах появлялись улыбки. Хлопали в ладоши мужики, громко свистели и кричали под звуки баяна.

Внизу оврага протекала река. Узкой змеёй изгибалась она вдоль заросшего кустарником берега. Вдали виднелись избы соседней деревни. Лёгкие струйки дыма тянулись ввысь в каждом дворе — топились бани. Была суббота. Любопытно было наблюдать за всей этой картиной. Ведь в каждом этом переулке, в каждом домике величиной со спичечный коробок живёт жизнь. Кто-то сейчас таскает воду, подкидывает дрова, готовит, стирает бельё. И все эти люди с их избами, скотиной и банями могли уместиться сейчас на Васиной ладони. Забавно. И там жизнь, и по эту сторону реки тоже жизнь. Там — баня. Здесь — праздник... Вот комарик пропищал над ухом. У него тоже своя жизнь — комариная, насекомая, но всё-таки жизнь.

Тетюрин любовался местными просторами и про себя дивился, как же красив их край. И как раньше всего этого он не замечал? Не приходило в голову, что соседняя деревушка может поместиться на его ладони. Да разве такое придёт когда на ум? Глупость. А вот нет, пришло же. И это отчего-то Василия радовало, словно он открыл неведомую никому тайну.

— Жизнь... — тихо вырывалось из его уст.

— Что, прости? — спрашивали его. — Жизнь?..

— Да-а, жизнь такая штука. И не предугадаешь, как её прожить. Все мы за школьной партой верили, что будет и дом, и семья, и работа, и машина. Будет всё как у нормальных людей. А видишь как?.. Кто-то спился, кто-то сидит, а кто-то по глупости накинул петлю на шею. Другие начальниками стали, при галстукке ходят... А ведь когда-то все мы в одной школе за партами ютились — и эти, и те. Одни игры были, одни мечты... Умеет жизнь выкинуть шутку суровую. Умеет, стерва.

Василий задумывался. Часто размышлял он о таком, что в трезвую голову никаким ветром не задует. Парадокс, да и только. Сам удивлялся. И всё же не прекращал свою думу, не переставал вести разговор с самим собой. Люди всегда делились на хороших и плохих, сильных и слабых, глупых и умных... Гораздо обиднее другое — когда умные становятся дураками, сильные характером опускают руки, а хорошие превращаются в ничтожество. Вот что больно. Тетюрин становился мрачен и подолгу молчал. Тогда смотрел он на каждого, кто был сейчас рядом, — на грязные в синяках и царапинах пьяные лица — и опускал голову. Не желал говорить вслух то, что приходило сейчас на ум. Те же, в свою очередь, по Васиному виду понимали, что приближается конец веселья и халявы.

Так было всегда. За неделю до отпуска Тетюрин ходил хмурый, почти не разговаривал — ждал и готовился к празднику. И за пару дней, прежде чем прекратить пир, тоже всё больше молчал и хмурился.

— Может, напоследок посидим завтра, а? — спрашивал у него Аркаша. — Я бы ещё поиграл.

Василий молчал, уходил домой.

На своем дворе появлялся затемно. Присаживался на скамью и подолгу курил, любясь ночным небом, думал...

Сколько же на небе звёзд? Удивительно много. Каждая эта сияющая крохотулька на самом деле может быть больше нашей планеты. Вот где действительно хранится тайна за семью замками. И, наверное, на каком-нибудь из этих мигающих огоньков есть жизнь. Есть. Безусловно. Может быть, где-нибудь, далеко-далеко, сидит сейчас такой же вот, как и Василий, чудик и рассуждает о жизни, любясь нашей Землёй. Может. Почему бы и нет? Тетюрин вздохнул, делал последнюю затяжку и тушил каблук окурком.

— Как же всё-таки мал и беспомощен человек, — тихо ронял он иногда и вслух.

Потом выходила жена, присаживалась рядом. Молчала. Вот в такую же тёплую ночь когда-то, совсем, казалось бы, недавно, гуляли они с ней до самой зари. Много разговаривали, это Вася помнил хорошо. Слова лились сами собой. Может, несерьёзные и по большей части даже и ни о чём, но слов было немало, и им вдвоём было весело.

Молодость... Тем и прекрасна ты, что, как маленький росточек, тянешься к небу и умеешь радоваться жизни, умеешь в обыденных мелочах находить чудесное. Трудно в двадцать лет представить себе, что когда-нибудь жизнь будет настолько однообразной и скучной, что даже перестанешь мечтать...

Василий потирал лицо большими ладонями, потом брался за маленькую ладошку жены. Как же хорошо, что рядом есть человек, который любит и переживает за тебя! Человек не должен быть один. Каждому, каким бы сильным и могучим он ни был, нужен тот, кто в трудную минуту приласкает и утешит. Это главное. Знать, что тебя любят и ждут. Пожалуй, в этом и заключается смысл жизни: уметь любить и в любой ситуации оставаться человеком.

Маруся, прислонившись к широкому плечу мужа, тихонько вздохнула:

— Пошли спать.

Тетюрин кивал, с трудом приподнимался и просил приготовить ему завтра крошки. Женщина обнимала его, целовала в щетинистую щёку и вела в избу.

Пьяные деньки позади. Теперь оставалось только отлежаться, набраться сил и идти работать.

КРЕСТНЫЙ

Пожалуй, лишь с годами осознаёшь прелесть детских и юношеских лет. И как бы ни желал ты мальчишкой поскорее подрасти и окунуться с головой во взрослую жизнь, да только с возрастом сердце всё больше тянется именно в то далёкое прекрасное время, где всё воспринималось по-иному. Деревья были больше, небо — выше, радуга — краше. Люди, которые тебя любили и оберегали, находились рядом. Весёлые, добрые и живые. Собаки при встрече виляли хвостом. Котята просились на руки. Кузнечики, стрекозы и майские жуки всякий раз манили помчаться за ними в погоню. Хотелось обнять весь мир, погладить каждого и со всеми поиграть.

Ох уж эти майские жуки! Разве какой ребёнок устоит перед ними? Эти крылатые толстопузые жужжащие букашки сведут любого с ума. Не устоишь, чтобы не погнаться за ними.

Под окнами нашего дома росла рябина. Совсем рядом, где стоял турник, из автомобильной покрывки тянулось ввысь ещё одно деревце с красными ягодами, только меньше. Зимой, когда всё вокруг застилало белоснежным одеялом, на деревьях рубином горели маленькие бусы. Именно они заманивали в гости красногрудых снегирей. Рябина — та, что поменьше, — росла у соседского гаража. Рядом с деревцем находилась будка, в которой несла собачью службу Динга — помесь овчарки с дворнягой. Сколько соседских кур потрепала и погрызла эта самая Динга! Даже трудно представить. Много. Но собака есть собака. А тем более сторожевая. С такой шутки плохи. Стоит зазеваться и — бац! Только перья останутся. Одного нельзя было понять — отчего куры каждый раз тянулись к её конуре? Словно для них там рассыпали мешок зерна. Совсем не страшились ни шума цепи, ни громкого лая. Заприметит Динга, что куры поблизости, уйдёт за будку, затаится, уловит нужный момент и — хват! Поминай как звали. Видать, курица и впрямь глупая птица: выложи зёрнышки цепочкой, так она тебе ещё сама в конуру собачью заберётся.

Майских жуков ловили вечером. Как только

начинало смеркаться, на соседнем крыльце загорался фонарь. Мотыльки и прочая разнообразная насекомая живность слетались к лампе, пытаюсь её облепить. Манил букашек яркий свет в темноте. Нам это было на руку. Стянешь с затылка бейсболку и бегаешь по двору, пытаюсь накрыть ею жука. Сунешь его в спичечный короб, прикроешь берёзовым листом и таскаешь повсюду в кармане. В любое время вынул коробок, поднёс к уху и слушаешь, как он там шкрябает изнутри. Вынешь мелкого пленника, потискаешь пальцами да уберёшь обратно.

— И не жалко тебе его? — говорил соседский старик Василий, которого вся местная детвора величала дядей Васей. — Какая ни есть, а всё живая душа.

— А чего? — удивлялся я.

— Всем света белого хочется. Не тебе одному, — отвечал дядя Вася. — Жизнь и букашке несмышлёной мила.

— Придёт время — отпущу.

— Ты бы сам посидел в таком коробке! Поглядели бы тогда, как ты запел.

— Скажете тоже не зная что.

— Оболтусом растёшь, Антоха! — бранился старик.

Не желая спорить, я шёл в соседний двор. По другую сторону нашего дома, над самой аркой, что делила дворы, жил мой ровесник Санька Коробов. Учились мы в параллельных классах. Чего-чего, а ловить всякую живность Санька был мастак. И не только. Ещё быстро бегал и прятался так, что не сразу найдёшь. Вроде и двор небольшой, и все знатные места наперечёт, а поди найди его. Не так-то это просто. Хитрый он, Санька. Пока ищешь, он перебегает с места на место.

Я кажу ему жука. В коробке жуки всегда пришибленные — ленивые и сонные, почти не шевелятся.

— Королевский, — указывает Санька на красногрудого.

— Знаю, — киваю я.

— А я своих отпустил. Вечером ещё наловлю. Целую банку. — Любит Санька похвастаться.

Как-то раз, когда мы шатались по двору без дела, гадая, чем бы себя занять, на грузовой машине приехал Санькин отец — дядя Саша. Заскочив на минуту домой, засобиравшись он в Ко-

шелиху — село в соседнем районе, где проживали Санькины дедушка с бабушкой. Санька попросился с ним. Взяли и меня — прокатиться. Дядя Саша носил длинную шетину и работал на той самой грузовой машине. В Кошелихе Санька завёл меня в хлев показать свиноматку с маленькими поросятами, примкнувшими к её толстому брюху. Сашкина бабушка позвала отобедать, но мы отказались. Тогда нас угостили домашними пирогами и молоком. Перекусить на скорую руку, да ещё на улице — лучше не придумается. На обратном пути дядя Саша остановил машину, и мы вместе вышли на дорогу. На асфальте лежала раздавленная змея. Мы долго и внимательно разглядывали с Санькой её неподвижное тело. Дядя Саша палкой откинул змею в кусты и сказал:

— Зазеваешься, подкрадётся к ноге и — чик! Будут потом пироги с малиной... Тот ещё гад ползучий. Полно их здесь.

В начале осени, когда деревья готовились облачиться в золотистый наряд, а погода каждый день обещала дожди, народ с лопатами и ведрами собирался за картошкой. Хватит, мол, в земле лежать-полёживать. Отрастила бока, пора и свет белый увидеть. Просушишь её, спустишь в погреб, а там и дождайся, милая, своей участи. Итог всегда один: со сковороды, украшенная луком и укропом, — да на обеденный стол.

Наш усадник находился за селом, за объездной дорогой, которая вела в город Саров. В воскресное утро, когда не нужно было идти в школу, мы шли копать картошку. Дорогу в несколько километров преодолевали пешком. За общей беседой она не казалась длинной. Впереди бежала Жучка, вывалив язык на бок. Иногда оглядывалась — не пропали ли мы из виду. Обычная дворняга, маленького роста и кудрявая, как молодой барашек. Ежели на пути встречались лужи — за обочиной, в канаве, поросшей травой, дождевая вода хранилась долго, как в болоте, — Жучка не пропускала ни одну. Вымарается вся как чертёнок. Пока мы собирали картофель, Жучка пыталась ловить полевых мышей. Увлечётся, выроет нору, спрячется — только уши торчат.

— Ну и землеройка! Это надо же, — улыбалась бабушка Зоя.

Мы тоже тихонько посмеивались, глядя на смешную собаку.

Иногда собирать картофель помогал крёстный — мой и сестрёнкин. Крестили нас с Валушей вместе в городе Арзамасе. Мне уже было годика три. Наши крёстные родители были семейной парой и жили неподалёку от нас. На втором этаже старой постройки находилась их маленькая квартирка. В том доме когда-то давным-давно монахини пекли хлеб. Здание и по сей день носит название «хлебный корпус».

Когда мама получила квартиру, мне было пять лет. Переезжали зимой. Это помню хорошо. Казалось, ремонт, который затеяли перед тем как въехать в двухкомнатную квартиру, никогда не закончится. Крёстный помогал белить потолки. В детской они были аж под четыре метра. Такие громадины! Попробуй до них дотянись. Я взбирался на стол, а затем карабкался на печь (за что меня всегда ругали), но даже с такой высоты мне было не коснуться потолка. Квартира казалась нам, малышам, настоящим дворцом. Большие полукруглые окна, высокий потолок, просторные комнаты. Не то что у бабушки в подzemелье!

Стоило крёстному прийти в гости, как мы с сестрёнкой брали его за руки и вели в свою комнату. Дальше каждый из нас пытался похвастаться какой-нибудь новой игрушкой. И, мешая друг другу, мы совали в его ладонь то саблю, то куклу. Сейчас, когда навещаю крестницу, она так же, как и мы когда-то, по-детски хвалится игрушками — маленькими сокровищами каждого ребенка, ценность которых нам, взрослым, уже не понять.

Крёстный был мужчиной жилистым и силу имел немалую. Каждый раз, трогая мою худую руку, притворно кивал головой, мол, ничего себе какой богатырь. Иногда учил боевому приёму. Мне, мальчишке, это нравилось, и я с превеликой радостью бил кулачками по его растопыренным ладоням. У печки дожидалась участии привязанная к углу боксёрская груша, подаренная мамой за хорошее поведение. Я спешил отвязать её, и мы с крёстным лупили грушу так, что сыпались опилки. Обшитая дерматином, она, словно мяч, носилась по всей комнате.

— Будет вам, атаманы, — шутя, бранилась мама. — Чего доброго окна побьёте.

Мы успокаивались, присаживались на мою

кровать. На стене висели плакаты героев голливудских боевиков.

— Ван Дамм тебя поборот, — говорю я крёстному.

— Не смейся, — улыбается он.

— Чего? Одной левой управится.

— Да я на нём верхом прокачусь, — дразнит меня крёстный.

— Не ври!

Крёстный кивает на мои плакаты:

— И всех остальных хлопком пальца перепугаю до смерти.

Я сержусь. Крёстный смеётся. С прищуром гляжу на его руки. Хотя крёстный и кажется мне сильным, но чтобы сильнее Ван Дамма!.. Да ещё оседлать, как беспомощную лошадку! Поверить в это я не решался никак.

— Его бы за гаражи, — говорит крёстный. — К мужикам нашим. Вот и поглядели бы тогда, кто кого.

То, что крёстный был не из слабых, это я знал. Папка говорил так: «Дури в нём много». Когда крёстный помогал на усаднике, отец сравнивал его с маленьким трактором, за которым едва угонишься. Останется выкопать «на раз плюнуть» — крёстный начнёт возить картошку к дому. Погрузит два мешка на велосипед — и вперёд. В один из таких рейсов сломалась рама велосипеда. Припрятав поломку в кустах, крёстный на себе донёс оба мешка. Тогда не только я, но и родители дивились его прыткости.

— Давай-ка лучше силушку твою проверим, парень, — и крёстный, поднимаясь с кровати, велит мне бить ему в живот.

Что есть силы я сжимал кулак. Сквозь стиснутые зубы спрашивал, куда именно бить. Но тот не спешил с ответом. Боясь утратить силу, я тужился как мог.

— Быстрей!

Крёстный смеялся и указывал поперх пупа. Один за другим наносил я удары по его упругому животу. Нет, сколько ни бей, а стену ту мне было не пробить... Когда боролись на руках, крёстный поддавался. Я, радостный, что вот-вот одержу победу, старался изо всех сил. Но победа всё равно была не в мою пользу. Наверное, крёстный всё же был из тех, кто не любил проигрывать.

— Уже лучше, — трепал он мои волосы и показывал большой палец. — Ничего. Когда-нибудь и ты меня на лопатки положишь. Обязательно. Всеми своё время, брат.

С упованием глядел я на крёстного и верил, что обязательно так и будет. Но... время идёт своим чередом и меняет многое.

Всё реже и реже видел я крёстного у нас дома. Как-то так случилось, что перестал он нас навещать. А ежели и приходил, то ненадолго и нередко во хмелю. Видно было: с кем-то дрался. Об этом говорили разбитая бровь и сбитые костяшки на руках. Тяжело присаживаясь в кресло, крёстный виновато глядел на меня и на сестрёнку. Усталое подмигивал: ничего, мол, всё обязательно наладится. Но жизнь не часы, где можно перевести время, починить и исправить неполадки. Не всё так просто. Оступаются нередко даже сильные духом люди и идут не по той дороге. Вот и крёстный, не желая никому зла, сошёл на узкую тропу. Виной всему был зелёный змий, порушивший немало людских судеб... Крёстный развёлся и подался на малую родину к родителям в Вознесенский район. С тех пор я его больше не видел.

Наверное, у каждого из далёкого светлого детства хранятся в памяти тёплые воспоминания о том или ином человеке — пусть и вошедшем в нашу жизнь на одно мгновение, сыгравшем значительную роль. С годами всё чаще припоминаются дорогие сердцу люди. И хотя крёстного помню мало, в душе моей он занимает особое место. Добрый он был. Сильный. Весёлый.

Осенью 2017 года крёстный умер. Пил чай с булкой и подавился крошкой. Не смог откашляться и... ушёл навсегда. Трудно в это поверить. Какая-то хлебная крошка! Крохотулька. Меньше самого малого и смогла отнять жизнь у такого сильного человека. Непостижимо. Никому не дано предугадать смерть. Какой она придёт в последнюю минуту жизни? Лёгкой или тяжёлой? Быстрой ли, нелепой?

Одно знаю наверняка: в моих детских воспоминаниях всегда будет жить добрый и весёлый человек. Мой крёстный. Воробьёв Сергей. Такой, каким его я запомнил.

ЗИМНИЕ ЗАБАВЫ

Зима — это не только вечная мерзлота, студёные холода, гололёд и ранняя темень. Нет. Это ещё и веселье, озорство и множество всяких разнообразных игр. Первая зимняя радость приходит всегда с первым снегом. Это знает каждый ребёнок. Проснёшься утром рано, протрёшь глаза, а на окне — морозец. Всё в округе белым-бело. Вроде бы и не зима ещё на календаре, а всё равно природа побаловала снегопадом. Припорошила улицы и дома. Красота!

Раньше зима-матушка всегда была щедра на снег. За ночь так наметёт бывало, что с трудом поутру дверь отопрёшь. С белоснежным покрытием приходили новые игры. Уж кто-кто, а мы, детвора, это знали прекрасно. Лепились снежки, катались снежные колобки и то тут, то там вырастали снежные бабы. Девчата мастерили своего снеговика, мы, мальчишки, — своего. Стоило лишь сестрёнке с подругами отлучиться на минуту (забежать домой погреться или ещё чего), как их снежной кукла поддавалась обстрелу. Со всех сторон летели в бедолагу снежки. Детское произведение искусства быстро теряло вид.

— Ах вы, безобразники! — возмущались по возвращении девчата.

Мы и ухом не вели. Знать, мол, ничего не знаем, что вообще произошло. Девчонки хитро глядели в нашу сторону, о чём-то шептались, прихорашивая попорченную поделку, и тихо посмеивались. Теперь и нам стоило оставить снеговика одного, как он тут же лишился ведра и шарфа. Даже морковий нос и тот пропал. Мы, заприметив пропажу, бранились, бросались снежками, но тут же получали отпор. И сама собой затевалась новая не менее интересная игра.

На зимних каникулах у нас часто гостил Димка — отца младший брат, мой, получается, дядя, хоть и был он всего на четыре месяца меня постарше. Забавно. Жили они с бабой Аней в Сарове. Летом и в зимние каникулы Димка гостил у нас. Правда, недолго. Чего-чего, а похулига-

нить с ним мы любили. Как только у взрослых кончалось терпение, — а это случалось каждый раз, — Димку отправляли обратно в город. Какое-то время спустя дядька приезжал снова, и мы старались сильно не бедокурить.

— А что, если бабку Ёжку вызвать? — предложил как-то раз Димка.

— Давай. А как? — подхватил тут же я.

Сестрёнка наострила ушки. Валюша младше меня и многого боится, но и её любопытство не покидает.

— Нужны тапка, зеркальце и расчёска... Да, и ещё фонарик.

Всё это быстро находим.

— Коту здесь не место, — командует дядька. — И кукол тоже лучше убрать.

— Базилио чем тебе не угодил?

— Ты что? Бабка Ёжка пушистых на дух не переносит, — объясняет Димка. — Хочешь, явилась чтоб, или как?

Прогоняю кота в зал. Сестра убирает кукол в шкаф. Выключаем свет. Втроём заползаем под кровать. Кладём перед собой тапку, а на неё — расчёску. Рядом ставим зеркальце.

— Ба-абка Ёжка, выходи. Ба-абка Ёжка, выходи, — растягивает Димка слова и светит фонариком в тапку. — А вы чего? Повторяйте.

Все трое одновременно шепчем:

— Бабка Ёжка, выходи...

Несколько раз повторяем одну и ту же фразу. Ничего не происходит.

— И чего? — не выдерживаю я.

— Тс-с! Слышите? — подзадоривает Димка.

Мы прислушиваемся. Выключается фонарик. Где-то от угла комнаты доносится лёгкий шорох. Может, мышка какая где под полом скребёт? Становится страшно.

— Сейчас-сейчас, — уверяет Димка в полной темноте. — Явится, возьмёт расчёску и у зеркала прихорашиваться станет. Главное, не спугнуть. А то...

— Может, не будем больше? — слышен слабый голос сестрёнки.

Димка зажигает свет. С тапки пропала расчёска.

— А я что говорил! — радуется Димка.

Сестрёнка, перепуганная, бежит из комнаты. Мне и самому не по себе. Быстро выползаем из-под кровати, включаем свет. Появляется ма-

ма. По строгому взгляду понимаю: сейчас что-то будет. Сестрёнка стоит позади, ябедничает.

— Прекратишь сестру пугать? — ругает меня мама. — Заикой сделать хочешь?

Вечером приходит с работы отец, и достаётся Димке.

С Валюшей стараемся не разговаривать и всячески её игнорируем. Но разве можно долго обижаться на сестрёнку? Разве виновата она, что испугалась, когда у самого холодок пробежал по спине? И мы снова играем все вместе.

Ещё мы с Димкой любили утонуть в глубоком пушистом снегу — плюхнуться в него по самые уши. И не просто плюхнуться, по-девчачьи поджав ноги. Нет, эдак не интересно. А завернуть сальто. Взберёшься на забор — вжик! И ты в снегу по пояс. А ежели с крыши сарая сигануть, то как раз по самую шею увязнешь. Но ежели передние сальто давались легко, то прыгать задом, выкидывая ноги через себя, поначалу было страшно.

Откуда ни возьмись появлялся Санька Коробов с ушанкой набекрень. Этот всегда знал, какая и где затевалась забава.

— Чего это вы делаете? — кричит нам издали.

— Давай к нам! — зовём его к себе.

Втроём взбираемся на забор. Димка худенький. Прыгает в сугроб и так и эдак, как душа пожелает. Такое сальто завернёт — диву даёшься.

— Городской, — хвастаюсь я.

Санька утирает влажной варежкой нос. Готовится к прыжку. Осторожно пробуем с ним так же. Падаем то на спину, то на бок. Испуг покамест не покидает нас.

Пока научишься акробатическим прыжкам, взмокнешь до последней нитки. Щёки так и полыхают огнём. За шиворотом снег. Ноги насквозь сырые. Ещё и варежку вдобавок где-то умудрился потерять. Зато весело, зато забавно. Озябшие, но довольные спешим домой. А дома... дома тепло. Повсюду стоит аромат свежеспечённых пирогов. Бабушка постаралась. Любила баба Зоя побаловать нас выпечкой. Когда бабушка была в гостях, а зимой она навещала часто, блины и ватрушки всегда украшали стол.

— Посмотрите на них, — баба Зоя помогает мне снять промокшее пальто. — А за шиворотом! А в карманах!.. Ты где валялся?

Пытаюсь избавиться от сырой одежды. Теперь она липкая, холодная и неприятная.

— А ну, скорей переодевайтесь, — командует бабушка. — Молока вскипячу час.

С Димкой бежим в детскую, оставляя на полу влажные следы. Быстро скидываем одежду, развешиваем её у печи и, забравшись на кровать, укрываемся одеялом.

Вот она, та самая драгоценная минута: когда промокший и озябший вбегаешь в тёплую уютную квартиру, где запах горячих пирогов кружит голову, а ты так набегался и наигрался, что не в силах избавиться от натисков сырой одежды. С шапки и воротника стаивает снег, всё это пробирается тебе под кофту, холодной струйкой скользит по разогретому телу. Бр-р! В спальне давным-давно дожидается разогретая печь, где красные языки пламени с треском обнимают поленья. На паласе, растянувшись в рост, лежит-полёживается кот Базилио, досматривая седьмой сон, и ни одним усом не ведёт, что вокруг происходит. За окном уже темень несусветная. И слышно, как за ледяным окном завывает вечерняя вьюга... Прелесть.

Появляется бабушка. Подаёт молоко и тарелку с пирогами. Мизинцем аккуратно снимаю с молока пенку и беру пирог. Всё-таки хорошая у меня бабушка. Самая лучшая. Добрая и на все руки мастерица. Когда мне было годика три-четыре, я донимал её тем, что просил досчитать до ста. Бабушка послушно вела счёт. Когда заканчивала, я приставал вновь. И баба Зоя научила меня считать самого. Правда, по десяткам.

После я бегал и хвастался всем, что умею считать до ста.

— Ну-ка, — улыбался кто-нибудь из соседей.

Я важно заводил счёт:

— Десять, двадцать, тридцать, сорок... сорок... — быстро сбивался и спешил домой за подсказкой.

Зимой я часто пропадал у вертьяновского оврага, что носил странное название Чабыш. Овраг в тех местах немалый, а нам, мелюзге, он и по-прежнему казался настоящей горой. Внизу оврага русло. Летом местная ребятня бегала туда удить рыбу. Ныне давно всё иссохло и поросло травой.

Стоило большие холмы припорошить снегом, как детвора вмиг накатывала горки. Постелешь под себя клеёнку или какой-нибудь кусок картона и — вжих! Только крик стоит на всю округу. Мчишься, подгоняя ветер, петляешь змейёй во

все стороны — лишь облака проносятся над головой. Плюх — и ты уже в сугробе. Взбираться обратно на эдакую махину ох как нелегко. И, прикусив губу, отважно спешишь наверх, прекрасно понимая значение фразы «любишь кататься — люби и саночки, милок, возить».

В зимнюю пору в Чабыше можно было встретить немало одноклассников, что жили неподалёку. Шум и веселье не смолкали до самого вечера. Игры рождались одна за другой. «Царь горы!» Разве можно было пройти мимо этой игры, да ещё в таком месте? Забавная она, эта игра, хоть и трудная. Сто потов сольёшь, пока в неё играешь. И неважно, где тебе предстоит находиться — на «пьедестале» или же со всей оравой ползти наверх. И там, и там сложно. А коли и выбьешься в победители, то недолго насладишься победой. Царя обычно быстро свергали, и он кубарем летел вниз, загребая снег. Наверху создавалась возня, покамест новый победитель не останется один покорять вершину.

Дольше всех держал победу в кулаке Новожегин Лёшка. Бзык — так все его прозывали. Отец его был пчеловодом и занимался охотой. Лёха и сам помогал бате с ульями. Потому и закрепилось за ним это безобидное прозвище. Парень он был отважный — сорвиголова. Любил подражаться. Ежели что не так, смело бросался на обидчика с кулаками, пусть даже тот и старше его годами. Лёха за смелость многим нравился. Учился, правда, неважно. Но неспособным учеником не был. При желании мог бы неплохо окончить школу. Назубок выучивал целые параграфы и у доски зачитывал, как стихи. Учителя дивились такой памяти. Лёшка быстро исправлял оценки, а с новой четвертью хулиганил вновь. В старших классах Бзык увлёкся охотой и быстро превратился в грозу куниц, хорьков и ондатр. Повсюду, где можно и нельзя, ставил капканы и мордушки. Прыткий был. И в игре такой же. Не так легко его было побороть. Мечется из стороны в сторону, как зверь какой — то одного спихнёт ногой, то другого скинет вниз... Но не железный он всё-таки, и мы это понимали. Спустя какое-то время силы покидали Лёху. Мы гурьбой бросались на него и брали реванш.

Бзык отряхивался от снега, глядел снизу на наши разруганные лица и смеялся:

— Слабаки.

Нравилось Лёхе пощекотать порой нервы себе и другим. Бывало, выберет какой-нибудь обрыв, да покруче, и с полной уверенностью заявит, что готов прокатиться.

— Расшибёшься, — брякнет кто-то с опаской.

Бзык, ухмыляясь, глядел на всех. Что, мол, душа в пятки ушла?

— Клеёнку! — требовал Лёха.

Посмотришь вниз — шапка двигается. С такого наклона спуститься на штанах уже подвиг, а с клеёнкой подобно смерти! Но Лёху ничем не напугаешь и не остановишь. Берёт клеёнку, садится. Не медля ни секунды, со свистом летит вниз. Мы с восторгом и ужасом глядим ему вслед. На такой скорости, коли нырнёшь кубарем, вмиг свернёшь шею и отобьёшь все внутренности. Бзык удачно врезается в сугроб, с трудом из него выбирается.

— Живой? — кричим мы.

— Ништяк, — Лёха утирает рукавом лицо.

С наступлением холодов река Вичкинза, как и другие водоёмы, быстро покрывалась льдом. Лёд нарастал, креп. Появлялись первые рыбки с ледобуром на плече. Мы, ребятня, тоже не стояли в стороне. Прогуливали школу, с коньками бежали к реке. А там!.. Кого только нет! На уроке столько не встретишь ребят, как здесь. Кто — с клюшкой гоняет шайбу, кто — просто разрезает коньками прозрачный лёд. Рыбакам это не по нраву, особенно если резимся рядом с лункой.

— А ну, охламоны, пошли вон отсюда! — не выдерживает какой-нибудь рыбак. — В школу я за вас ходить буду?

Мы смеялись:

— Шли лодыри на урок, а попали на каток!

— Я вот счас... Поймаю, уши пообрываю!

Бзык подкрадывается к сердитому рыбаку ближе. Над верхней губой шрам, глаза горят азартом.

— Дядь, а дядь, клюёт?

Мужик сердито шевелит усами, пытается встать и огреть чем попало. Мы смеёмся. Весело удираем. Разве догонишь нас на коньках?.. Заявляется игра в догонялки. Носимся друг за другом как угорелые, покамест не заноят ноги. К камышам стараемся не соваться. Лёд слабый там, особенно по перволедью. Уйдёшь под воду и глазом моргнуть не успеешь. Я однажды прова-

лился. Приятного мало. Пусть и не глубоко там, потому как у берега, но промокшая одежда быстро становится колом. Хорошо, что поблизости — пробежать усадник — находились дома ребят. И я, озябший, спешил на коньках по снегу в тёплую избу. В небе одна за другой загораются звёзды. Снежный вихрь гуляет по усадам, свистит, напевая свою одностомную песнь...

Вот и память, как тот озорной вихрь, колышет порой душу, зажигая маленькими огоньками воспоминания о далёких зимних забавах. Становится тепло, радостно, а порой и грустно. Лёхи уже нет. Он ушёл в мир иной перед самым Рождеством, не дожив до возраста Христа всего полгода. Самый первый из нашего класса. Прожив эту жизнь смело, порой глупо и отчаянно, он, как и раньше, в далёком весёлом детстве, наперекор всему, не страшась опасности и не замечая преград, первым шагнул в неизведанное. И каждый, кто стоял тогда в зимнюю пору у гроба, глядя в красивое худое лицо приятеля, мысленно сказал себе: «Прощай, Лёха. Прости за всё».

СВИСТУНЫ

На берегу реки со смешным названием Кривая Лука сидели трое и рыбачили. Вернее, рыбачил один. Двое других, едва забросив удочки, но так и не насладившись клёвом, махнули рукой и завели разговор, расположившись поудобнее на траве. Рядом стояла банка самогона. На расстеленной газете закуска — ломоть ржаного хлеба, лук с огурцами да килька в томате. Чем больше друзья принимали на грудь, тем интересней и несерьёзней становилась их беседа.

— ...Нет, Саша. Рыбу давно изловили сетями. Так что накрылась рыбалочка медным тазом, уж поверь мне. Нет того азарта, как раньше, понимаешь? Нет. Потому и душа не лежит на это дело. Совсем не лежит, — промолвил Данила — крепкий на вид парень со смешными веснушками у носа. — Раньше как было? Заб-

росил удочку — и только успевай вылавливать. Рыба сама на берег выпрыгивала, прямо в руки. На голый крючок хватала. Как щас помню.

— Да ну! — усомнился второй.

— Вот тебе и ну! Гонится, скажем, щука за плотвой, а та, не будь душой, у самого берега молниеносно в сторону. И весь фокус. Плотва дальше себе поплыла по делам своим рыбьим, а щука вверх брюхом под солнышком трепыхается. Иной раз и удочку не берёшь. Надумаешь порыбачить, прихватишь корзину что побольше и не спеша вдоль берега идёшь себе вразвалочку. Рыбы кругом... так и лежат друг на дружке. Бери любую. Не ленись. Вот и собираешь дурёху эдакую, словно грибы по осени... Что значит рыба в реке водилась. Не то что нынче.

— Ты погляди-ка, — дивился Сашка.

— Вот и я про то же, — кивает Данила.

Степан, мужчина средних лет с густыми рыжими усами, в который раз перебрасывая удочку, по привычке хмурил бровь. Клёва не было.

— Не надоело ещё отсебятину нести? — крикнул он, не оборачиваясь. — Так и знал, что рыбачить не будете. Так и знал.

— А ты не слушай, коли не по душе. Никто не заставляет, — сказал Данила и взял банку. — Подходи, накатим по маленькой.

Степан не противился. Опрокинуть по маленькой он завсегда готов — только предложи. Чокнулся со всеми стаканом, быстро выпил и, громко вбирая носом воздух, шевеля усами, надкусил луковичку.

От самогонки расплылись в улыбке щёки Степана:

— Хороша, чертовка!

— Кузьминична другую не гонит. Молодец баба, — согласился Сашка.

— Это что! — задирает нос Данила. — Вот раньше гнали так гнали. А-а!.. Тройного перегона. Чистая, как слеза младенца. И градус держит. Опрокинешь грамм сто — и глаза в кучу. О как!

— Ты опять за своё? — бубнил Степан. — Неугомонная тетеря.

— Как есть, так и говорю. Зачем мне врать? — упирался Данила. — Технику самогоном заправляли. И ведь ехала. Ты, Степан, не знаешь: не застал. А батя, царство ему небесное, сказывал...

Едешь, бывало, из города, осталось совсем ничего, а бензин на исходе и канистры с собой нет, зато самогон под рукой. Это как всегда. Зальёшь в бак самогону. Попыхтит немного старушка, порычит — и поехала дальше. А так... оставляй машину либо ночуй, братец, среди полей... Что значит самогон был! Не то что сейчас. Вода одна.

— Ишь ты как, — доверчиво кивал Сашка. — В советское время халтуры не было. Даже в этом деле.

Степан, не желая спорить, пошёл к удочкам. Вынимал. Менял червя. Солнце играло на воде. Где-то в траве стрекотали кузнечики. Приятный выдался день.

— Хо-ро-шо! — пропел Данила и расстегнул рубашу. — Припекает малость, правда, а так... хо-ро-шо.

— Зато комаров нет, — подметил Сашка.

— Хм. Комаров... Да разве нынче комары? Тьфу. Перхоть одна. Ты у нас второй год живёшь...

— Третий, — подправил Сашка.

— Не одна собака разница, — улыбнулся Данила. — Это сейчас комарики да на воздушном шарике. Безобидные букашки. Только писком своим и умеют донимать. А возьми лет двадцать тому назад! Звери, а не комары. Слава богу, извелась нечисть такая. А то вечерами, бывало, на улицу носа не кажешь. Выбежишь на крыльцо покурить, а тебе в лицо будто рой пчелиный. Аж с ног валят. Искусают всего за считанные секунды... А скотины сколько погубили!

— Да? — хлопал глазами Сашка.

— О!.. Неведомое количество.

— Ты гляди-ка!

— Не успеет пастух вовремя стадо пригнать в деревню — всё, кирдык! — знай себе болтает Данила. — Голов десять лишился. Облепят бедолагу от ушей до хвоста, что без слёз не взглянешь. А корова — что? Она не человек. У ней рук и ног нет. Понимаешь? Далеко на копытах не убежишь, хвостом не отмашешься. А их, дьяволят мелких, в вечернюю пору тьма. И комарье, и буты¹, и мошка... В глаза, в ноздри, в рот лезут. Так и норовят побольнее укусить. Заберутся в уши и давай изнутри поедать. Глядишь, легла чья-то бурёнка. Копытами о зем-

¹ Бут — овод.

лю бьёт и так жалобно стонет, аж сердце кровью обливается. Страшное зрелище.

— Ты прекратишь ахиною нести? — отвернувшись от удочек, крикнул Степан. — Битый час городишь не пойми чего.

— Зачем бранишься? Виноват ли я, что у тебя рыба не клюет, — добродушно ответил Данила. — Так всегда. Чуть что не получается — враз виноватых ищем. Надуемся, как арбуз, и света белого не видим. Все кругом плохие. Так ведь?.. Та-ак. Дядю Данилу не обманешь. Он вас насквозь, умников, видит. Чего, скажи на милость, нос воротить? Взял бы да и сам расказал какую-нибудь историю. Годков на десять постарше будешь. Всё больше нашего знаешь... Степан!

— Чего тебе? — на этот раз не оборачиваясь, отозвался Степан.

— Расскажи что-нибудь. Удиви нас, — просит Данила.

— Отстань.

— Не будь цаплей. Проще жить надо. Проще. Ну, Степан!

— Отстань, говорю.

— Как знаешь. Разговор поддержать не каждый может. И то верно, — кивает Данила. — Иной начнёт рассказывать — и не дослушаешь. Скучно. Неинтересно. Раздражает прям. Хоть и правильно говорит, а не то. Нет азарта, с каким нужно вести диалог. Искорки нет. Понимаете? А другой хоть и сказки сказывает, да так складно, что заслушаешься. И не разберёшь, где вымысел, а где правда. Так что, Стёпа, не научился вовремя красиво говорить — уди рыбу молча. Так спокойнее.

Настала тишина. Данила распластался на траве и, шурясь, наслаждался тёплыми лучами солнца. Степан по-прежнему сидел с удочкой один и серчал, что за всё это время так ни разу не клюнуло, а доносившаяся до его слуха чепуха окончательно испортила настроение. Даже самогон Степана уже не радовал.

— У вас леса реденькие. Можно сказать, совсем нет, — нарушил молчание Сашка. — В моих краях, откуда я родом, леса густые. Как у Чапаева усы. Не знамши, заблудишься и сгинешь в одночасье. Как пить дать. Бывало, идёшь с братом осенью по грибы, запрокинешь голову, а на деревьях белки висят.

— То есть как висят? — привстал на правый локоть Данила. — Не пойму тебя никак что-то.

— Повесились.

— Да брось ты, — удивлялся Данила, — такое разве бывает?

— Бывает. Всякое бывает, — заверил Сашка. — Белки ещё тот суицидный народ. Чуть что не по-ихнему — сразу лапы на себя накладывают. Ранимые зверьки.

— Никогда бы не подумал.

— Трудно поверить. Но факт остается фактом. Зрению пока что я привык доверять, — говорил Сашка. — Всем известно, что белки заготавливают запасы на зиму. Прячут в укромное место орехи и прочее. Но случается и такое, что беличью кладовую находят. Заяц либо мышь или ещё какой зверёк. Опустошат до последнего зёрнышка и усом не поведут. А уже осень, зима на носу. Не успеет белка, если и захочет даже, заготовить новые запасы. А впереди лютые морозы, голод, без запасов — мучительная неминуемая смерть. Впадёт белочка в отчаянье, подберёт подходящее деревце с ветвями, как рогатины, и удушится на этой самой рогатке.

— Интересно кошки мяукают! — не без удивления произнёс Данила.

— А жизнь вообще непредсказуемая штука, — согласился Сашка. — Подводный и лесной мир по сей день до конца не изучен человеком. А животные... иной раз такое отчебучат, что не поддаётся ни одному закону физики... Забавный случай был у нас лет пятнадцать тому назад. Один тип по имени Иван приручил воронёнка. Да не только приручил, а выучил ещё разговаривать. Человеческим голосом. Как тебе, а?.. И что ты думаешь? Однажды этот самый ворон при неизвестных обстоятельствах вырвался на волю. Неподалёку был овощной рынок, и пернатая хитрюга намылилась туда. Торговала на том рынке женщина вишней. Так вот этот ворон — а надо признать, что он был немалого размера, откормил его Иван на славу — взлетел на стол и как закричит во всё воронье горло: «Тётя, дай ягоду!» Бедняжка чуть со стула не упала. А ворон опять за своё: «Дай ягоду! Не будь жадиной». Народ, что ютился поблизости, тут же окружил говорящую птицу. Всем интересно, весело. Только женщине не до шуток. С собой загоразивает вишню и кри-

чит: «Граждане, чей ворон?» Появился Иван. Заприметил ворон хозяина и взмахнул на козырёк прилавка. Пытается мужчина печеньем заманить питомца, да только ничего у него не выходит. Не поддаётся птица на уговоры. «Что же ты, братец, кормильца своего не признал? Ай-яй-яй! Это же я, Ваня». А ворон ему в ответ: «Ваня, Ваня... Голова баранья». Народ — в смех. Иван по сторонам глазами водит, а сделать ничего не может. «Ну-ну, — говорит. — Попадись только в руки — живьём в бульоне сварю, гада».

— Научил на свою голову, — смеётся Данила.

— И ведь кого научил! Ворона. Человечьим языком. Н-да. Вот тебе и блины с пирогами. Всякое в жизни происходит, — вымолвил Сашка. — А то ещё случай расскажу. Отмечали мы как-то мой день рождения в лесу. Естественно, подвыпили. И хорошенько подвыпили. Да так, что один из приятелей оставил гитару. И отправились мы на другой день с ним искать пропажу. Пробираемся кое-как сквозь поваленные деревья и колючий кустарник, выходим на поляну. И что ты думаешь?.. Сидит на пне медведь, закинув лапу на лапу, и пытается играть на гитаре. А! Как тебе? Это же уму непостижимо. Ладно там по струнам лапой водит, бог с ним. Так ведь нет — сидит на пне с гитарой да вдобавок ещё ногу на ногу забросил... Феноменально.

«И этот туда же, — с негодованием ухмылялся Степан, невольно слушая разговор за спиной. — Свистуны... одним словом. Свистуны!»

Никто уже давно не обращал на его мрачный вид внимания. Сердясь на приятелей, Степан понять не мог одного: неужели они взаправду верят всему тому, о чём говорят? Слушают друг дружку затаив дыхание. Не перебивают. А по заключении рассказа дивятся как малые дети, раскрыв рот. Чуть ли за щёку не хватаются и не качают головой. Мол, это же надо... боже мой!

— Про животных и у нас интересная история имеется, — ухватился за новую тему Данила. — Матвеем Лисицыну, бывшему завгару, баню новую козёл помог поставить.

— Как — баню? Настоящий козёл?! С рогами?! — в Сашкином голосе восхищение.

— Настоящий. И с настоящими рогами, — обрадовался Данила, что с первых же слов заинтриговал друга. — Баньку Матвей давно собирался поменять: старую разобрать на дрова да поста-

вить новую во всей красе. Только вот руки не доходили. С каждым разом откладывал на потом. А надо сказать, что научил он козла курить. Сам курит и козлу даёт затянуться. Весело ему, что тот дым через ноздри выпускает да ушами шевелит. То поросёнка к пиву приучит, то вот козла курить научил. Экспериментатор, да и только, — улыбается довольный собой Данила. — После мужикам рассказывал, как дело было. Только, значит, прикурил сигарету, как жена в избу позвала. Бросил он сигарету на землю, а потушить забыл... Гляжу, говорит, в окно, а с окурком моим козёл по двору расхаживает. Бросился во двор, нет козла нигде. Затем вижу — сарай горит. И козёл из него выбегает. Ну, думаю, дрянь рога-тая, доберусь и до тебя. Кинулся сарай тушить, да не тут-то было. Вспыхнул как спичка, а следом за ним и баня, что стояла рядом. Пока пожарных ждали, обе постройки долой... Но худа без добра не бывает. Тем же летом баню новую поставил. Никуда не денешься, мыться где-то надо.

— А с козлом чего? Наказали?

— На мясо пустили.

— Зря. Животное не виновато.

— Не нам с тобой судить, — повёл бровью Данила.

Наступило очередное молчание. Каждый пытался вспомнить или, может быть, выдумать такую историю, чтобы ещё больше удивить приятеля.

И вдруг тишину нарушил Степан:

— А известно ли вам, господа-товарищи, отчего у нашей реки такое необычное название? Кривая Лука.

Мужики оглянулись. Никто не знал. Данила ещё что-то пытался сказать, но так быстро на ум ему ничего не шло, оттого он только мычал, как молодой телёнок, и нелепо пожимал плечами. Сашка даже не пытался. Места эти он совсем не знал.

— Эх, братцы-кролики, всё-то вы знаете, да только не то, — улыбнулся в кои веки Степан. Сумел всё же и он обратить на себя внимание. — А дело было так. Давным-давно в наших краях жил-поживал один барин. Звали его Лука. И до того этот барин был жадным, что день и ночь трудились на него мужики не покладая рук. Лишнюю копейчку не заплатит и честно заработанного не даст. Тут урежет да там откусит.

Лишь бы не платить. Как только приближался день расчета, становился Лука злее чёрта. Посмотреть было боязно, не то чтобы заговорить с ним в такую минуту. Только и знал, что расхаживал по своим владениям и подсчитывал каждое деревце да каждый куст, что давали плоды. Переживал, кабы кто не обхитрил его и лишнего не урвал. Следил за каждым тщательно и спуску никому не давал. Хоть и был он скрягой редкостной, но на себя любимого денег не жалел. Баловал как только мог. Ходил в золоте, кушал заморскую чёрную икру и велел простому крестьянскому народу обращаться к нему «ваше величество». В саду почётное место занимала скульптура — барин был изображен во всей красе. Даже речушку, неказистую, казалось бы, и махонькую, что текла через его владения, переименовал своим именем.

Степан замолчал, отвернулся к своим удочкам, но было очевидно: рассказ недосказан.

— Ну? — в нетерпении уставился на Степанову спину Данила.

— Что «ну»? — Степан перебросил удочку и обернулся.

— Отчего к названию реки слово «Кривая» прибавилось? — пояснил Сашка.

— Ах, вы про это! Ну, слушайте дальше, — Степан продолжил: — И работал у барина честно и здраво, не жалея сил своих, один юноша. Но и его хитрая натура хозяина не обошла стороной. Обманул Лука бедолагу и усом не повёл. Заплатил за изнурительный труд сущие гроши. И решил тогда юноша проучить жадного барина. На все сбережения, что имелись у него и его сестёр, купил он себе костюм с цилиндром и даже трость. Заприметил Лука нарядного юношу и поспешил разведать у него, на какие-такие денежки он всё это приобрёл. Неужели где что своровал, а он не заметил? «Нет, ваше величество, — ответил ему парень. — За мои труды вы вознаградили меня честно и справедливо. О большем я не могу и мечтать. Вспомнились мне на днях слова покойного папеньки: мол, на том берегу реки, у крутого оврага, проживали когда-то цыгане и земля там заколдованная. И если что в неё ночью положить, то к утру вдвое прибавится. Вот я, не будь дураком, зарыл деньги, а поутру вдвое больше поимел», — радовался юноша. «Да ты и впрямь, малый, дурак, — подумал,

мал, глядя на него, барин. — Разве можно об этом кому говорить! Хех!» Той же ночью погрузил Лука в лодку всё своё богатство, золото и драгоценности, что у него имелись, и поплыл на тот берег. Очень ему хотелось приумножить всё вдвое. Только не выдержала лодка такой тяжести и посередь реки пошла ко дну. Испугался барин. Стал на помощь звать. Прибежали мужики, спасли барина, а лодка так и ушла со всем золотом на дно. В ужасе скривил барин лицо да и тронулся умом. Так и коротал свои дни в бедности и с кривой физиономией. Реку потом какой-то шутник переименовал в Кривую Луку. И пошло это название в простонародье. А после революции и на новых картах изменили название... Вот как людей жадность губит.

Степан вытащил удочку и положил на берег. Клёва по-прежнему не было.

Данила признался, что слышал эту самую историю, но только запомнил, а теперь же вспомнил. Действительно, сказал он, всё именно так и было.

Степан лукаво улыбнулся:

— Даже так? — сказал он. — Не хочу никого расстраивать, но всё это я выдумал только что на ваших глазах.

— Как — выдумал? — в один голос воскликнули приятели.

— Очень просто. Как подобное до меня выдумывали вы сами и языка не ломали. Вот и я решил приврать малость.

Наступило короткое молчание.

— Да, дружище, — расплылся в улыбке Данила. — Никогда бы не подумал. Это надо же. Хех. Тебе только книги писать.

— Видать, и в моем роду язык хорошо подвешен был, — кивнул Степан и указал на банку. — Теперь можно и выпить.

— Это завсегда пожалуйста, — обрадовался Сашка и принялся разливать.

Степан присел рядом и взял стакан. Солнышко грело. Трава и деревья радовали зеленью. Было хорошо. Приятно, пожалуй, в такую погоду выпить, ни о чём серьёзном не думая, — рассказывать сказки и смеяться над небылицами.

ФАМИЛИЯ

Мартышкин Игорь попал в затруднительное положение. Полюбил парень Князеву Марусю. И она к нему всем сердцем. Дело к свадьбе шло. Игорь ездил в город за кольцами. Ходил свататься к родителям невесты. Даже с датой определились. Свадьбу решили справить осенью — как придёт из армии Марусин брат.

«Лето быстро пролетит. И глазом моргнуть не успеете, — заверил Марусин отец. — Ежели любовь настоящая, то и время ей нипочём. Она не такие преграды выдерживала».

На том и сошлись.

Прогуливаясь вечером за селом, молодые вслух размышляли о семейной жизни. Каким будет дом, мебель, сад... что во дворе обязательно поставят будку, в которой будет жить замечательный и милый пёс. Но стоило завести речь о фамилии, как завязался спор. Оказалось, что Маруся не желает быть Мартышкиной. Своя фамилия ей нравилась больше. И как Игорь ни пытался уговорить девушку, та не поддавалась ни в какую. Не будет Мартышкиной и всё. Точка!.. Но и юноша оказался принципиальным. Как так! Его супруга, законная жена — и не будет Мартышкиной?!

— Дорогая, ты людей не смехи, — сказал Игорь. — Собралась замуж — будь добра следовать традициям, как и полагается... Может, и платье с фатой не наденешь?

— Платье надену.

— Ну вот.

— А Мартышкиной не буду.

Игорь насупился:

— И как же, интересно мне, прикажешь тебя величать?

— Князевой, — легко ответила Маруся.

Парень промолчал. Прошлись ещё.

— Хорошо, допустим, — обронил Мартышкин. — Спросят меня, как жену зовут, а я отвечу — Маруся Князева. Эх, парень, скажут мне, какая же она тебе жена? Какого-то князя жена, никак не твоя. И будут правы... Мужики на работе засмеют.

— А меня не засмеют?.. Как и тебя, макакой прозовут, — вырвалось у Маруси.

— Какой-такой... какой? — растерялся Игорь. — Один дурак ляпнул — и все повторяют... И ты туда же.

— Извини. Не буду.

— Чего — не буду?

— Повторять не буду... и Мартышкиной тоже.

— Как знаешь, — с обидой произнёс Игорь.

— Не сердись. Не надо.

Парень молча проводил невесту до калитки. Обменявшись неловкими взглядами, быстро расстались. Оба понимали, что не правы. И в первую очередь — Игорь. Неужели захочет красивая девушка носить эдакую фамилию? Это он с ней свыкся. Какую дали при рождении, с той и вырос, и то хлебнул горяшка. В школьные годы дразнили, сейчас нет-нет, да макакой прозовут. В глаза, конечно, побоятся сказать: силушкой-то природа не обидела — по улыбке разок Игорь стукнуть может. И всё равно весельчаки находились. Раз уж с ним так, думал Игорь, то её, хрупкую и беззащитную, вовсе задёргают. Шпана малолетняя прохода не даст.

А потом в голове Игоря завертелась фраза, никак не давала покоя: «Из князя — в грязи». Становилось обидно. Даже злоба охватывала.

— ...Вот ишо! Удумала чего, — дома заступил-ся дед. — Фамилию не возьмет. Ишь ты!

— Может, и правда, не стоит. Сейчас этим никого не удивишь. Артисты и вовсе живут — у каждого своя, — сомневался уже сам Игорь.

— Радуйся, отец слов этих не слышит. Он бы ремнём быстро отходил. Да я бы помог, — рассердился старик. — Фамилия ему наша не угодила. Ты погляди!

— И что делать? Не силой же заставлять.

— Коли любит, то и фамилия полюбится. Экое дело. Рода Мартышкиных ишо никто не стыдился. Ишь ты!.. Стрекоза какая... И не смотри на меня так.

Парень тревожно вздохнул:

— Видать, свадьба под угрозой.

— Ты это брось, — проронил дед. — Времени полно. Образумится.

— В самом деле, сынок, — вмешалась мать. — Поговорил бы снова. А то я могу. Глядишь, лучше подход найду.

— Не надо. — Игорь вышел во двор.

— Не вмешивайся, — велел старик. — Сами разберутся.

На другой вечер стояли с Марусей у калитки, Игорь вновь поднял волнующий вопрос.

— Ну что ты в самом деле какой? — улыбнулась девица.

— Какой?

— Настырный. Не надо. Не будь таким, — Маруся поправила волосы, облокотилась на калитку. — Не желаю я быть Мартышкиной. Пойми это, пожалуйста.

— И как быть?

— Ну, как... ну... бери ты мою фамилию. А что? Князев Игорь. Звучит, правда?

Парень стиснул зубы, шевельнул скулами, нахмурился. Стало обидно и горько от услышанных слов.

— Не хватало ещё царскую фамилию носить!

Маруся насторожилась. Перемена в голосе не сулила ничего хорошего. Догадавшись, что Игорь сердится, как можно мягче сказала:

— Какая же она царская? Вовсе нет.

— Всё равно. Аристократическая.

Девушку тоже кольнула обида:

— Можно подумать, твоя лучше.

— Получше будет, — ответил Игорь. — Мало их, князей, в своё время раскулачивали.

— Что? — опешила девица.

— И зелёные обои мне не по нраву. Вот что, — решительно сказал Игорь, припомнив, о чём с Марусей говорили накануне.

Девица распахнула калитку, поспешила к дому. На полпути остановилась, развернулась. Сердито глянула на жениха, топнула ногой:

— Раз так, то и женись на простолюдинке. А меня, благородную, голубых кровей, не смей беспокоить больше, — девушка показала язык и скрылась за кустом малины.

Парень виновато опустил голову, медленно поплёлся в сторону своего дома. На душе было тяжко. Сердце больно трепыхалось в груди. Понимал, что наломал дров. Вряд ли это само собой исправится. Никогда ещё с Марусей не ссорились. А тут... из-за обычного, казалось бы, пустяка... Даже страшно сделалось. Зачем ей всего этого наговорил? Для чего пытался обидеть?.. И подумать не мог, что между ними когда-нибудь мелькнет стрела недопонимания.

— Ну что? — дома Игоря встретили на пороге.

— Не донимайте, пожалуйста. Не надо. — Игорь прошёл в комнату, тихо прикрыл за собой дверь.

— Видать, случилось чего, — обратилась женщина к старику. — Сердцем чувствую.

— Милые бранятся — только тешатся, — проронил свёкор. — Сами разберутся. Не мешай.

Шли дни, недели. Игорь и Маруся избегали друг друга. Возвращаясь с работы, парень запирался в комнате, не желая никого видеть. Лишь ночью осторожно выходил во двор, стараясь никого не разбудить. Присаживался на завалинку, подолгу глядел на луну. Похудел. От улыбки, что всем так нравилась, простыл и след.

— Неужто и в сам деле беда в дверь постучала? Ишь! — тревожился старик. — Юбовь, юбовь... Никуда в эти годы от тебя не скроешься.

Наступили последние дни лета. Мать, беспокоясь за сына, не находила места. Много раз пыталась поговорить — не удавалось. Парень увиливал от беседы, прятался, уходил в себя.

И всё же разговор состоялся. Игорь топил баню — бежать с поленьями в руках было некуда.

Мать подала чистое бельё, присела рядом.

— Пошто нагнетаешь себя? — как можно мягче спросила она. — Раздули из мухи слона. Теперь страдаете оба. Зачем? Кому что хотите доказать?.. Видела её давеча. И на ней, бедняжке, лица нет. Ни к чему хорошему молчание ваше не приведёт. Пойми это.

— Не надо, мама.

— Деда он послушал!.. А сердце слушать не желает. Гляди! Упустишь счастье. Взмахнет в небо, и не воротишь. Коли любишь, борись. Всеми силами. Слышишь? Не поддавайся капризу детскому... Её тоже понять можно. Это я в её годы с одной работы на другую бежала. До фамилии мне тогда было ли?

Парень вздохнул:

— Не так всё просто, как кажется.

— Жизнь не прямая дорога. Пойми это. Будут и изгибы. И трещины будут. Не одну шишку набьёшь ещё... Всё, милый. Детство кончилось. Учись преодолевать трудности. Не опускай руки. Ко всему будь готов.

Игорь отвёл взгляд в сторону. Сердце больно кольнуло. Припомнились обидные слова, что наговорил Марусе. Сделалось мерзко. Он взял бельё и молча вошёл в предбанник.

— Молодые вы... и глупые, — донесли в спину слова матери.

Игорь присел на лавку, прислонился виском к бревну. Мысли терзали душу. Упрямство и боль вели борьбу, причиняя новые муки. Юноша глянул на ладони, сжал кулаки. Наконец разделся и вошёл в баню.

Женщина воротилась в избу.

— Ну... разобрались? — спросил старик.

— Если и дальше так пойдёт, свадьбе не быть.

— О как, — поднял брови свёкор. — Передумал?

— Вы же видите, как он страдает. Зачем так?

Ладно бы избранница была непутевая. Можно понять. Но... на глазах выросла. Слова худого сказать не смею. Люблю как родную.

— Да, да, — соглашался свёкор.

— И подумать нельзя было, что так произойдёт. А всё гордость. Детская гордыня в душе разыгралась. После локти кусать будут и в подушку плакать. Наперёд знаю, — сетовала женщина. — Люди измены прощают, а здесь... Пустяшное дело, а разобраться не в силах. По разным углам прячутся. Не иначе и есть что дети.

— Дело, может, и не пустяшное, как кажется на первый взгляд, — не согласился свёкор.

— Я вас умоляю. Счастье ребёнка мне дороже всего на свете... Пойду к ней сама. Поговорю. Поймёт. Неужели не поймёт? Во всём разобраться можно, если постараться.

— Не спеши, — остановил старик. — Сам наведу.

— Сами? — ушам не поверила невестка.

— Помирить, конечно, надо. А то... случись чего, на меня же всех собак после спустит. Мы, Мартышкины, такие: коль обиду затаили — это надолго.

Старик застал Марусю у околицы. Девушка бегала на луг, носила пастуху Еремею обед.

— Добрый день, Арсений Игнатьевич, — поздоровалась девица и робко отвела взгляд в сторону.

— Здравствуй, милая, — кивнул старик. — Совсем навещать перестала. Али забыла вовсе?

Маруся растерялась, с испугом подняла глаза:

— Неужели причину не знаете?

— Отчего же. Знаю. Да только... повод ли это? Скажи. К такому благородному шагу пришли!.. Семью завести решили... И вдруг на тебе... Околесица такая.

— Ну, как же... — замялась девица.

— Ответственность! — перебил старик. — Вот что на первом месте вопреки всему должно быть. А вы?.. Седину мою позорите. Родителей срамите. Дело это?..

— Извините.

— Игорьку тоже ить... что?

— Что? — тихо переспросила девушка.

— Обидно, — выбрал слово старик. — Поди тоже живая душа. Всё понимает. Всё чувствует. Страдает. Ночи не спит. Луной любит.

— Зачем — луной?

— Пошто мне знать, — пожал плечами старик. — Как юбость запоёт, тут вы и стихи писать, и на луну глазеть горазды. Молодцы. Гори всё синим пламенем, и с места не сдвинемся. Все нас бросили, никому мы не нужны. Одни-одинёшеньки.

Маруся промолчала.

— В мои годы этакого безобразия не было. В юбость не играли, — сказал старик. — Помню, спросил Евдокию прямо: пойдёшь? Пойду — ответила. И ничего лишнего. Трудились не покладая рук и жили душа в душу. Сорок два года прожили и слова дурного не сказали друг другу. А ить тоже, как и вам, двадцати годков не было. А вы... Хуже детоньки малого ведёте себя. Не стыдно?

Маруся опустила глаза.

— Ты, милая, одно пойми. Не имя красит человека, а его поступки, — поучал старик. — Каждая фамилия — род человеческий. Память предков. История не одного поколения. И вычеркнуть из памяти, отказаться от неё не дозволено никому. Прадед Игоря с фамилией этой на фронте воевал. День и ночь гитлеровских захватчиков бил, не щадя сил своих. На танк с гранатой бросился. Звезду героя получил... посмертно. И вдруг на тебе... Неужто парню не обидно? Узнать от любимой, что фамилия его, оказывается, не достойная. Не то что обида — злость возьмёт.

— Так ведь и он дразниться стал, — заступилась за себя Маруся.

— Это что за новость ещё?
 — Аристократка, говорит. Раскулачить надо. Старик по-доброму улыбнулся. Снял кепку. Почесал лысый затылок.

— Н-да. Обидеть человека ума большого не надо. Думается мне, что оба вы молодцы. Оттого и стыдитесь друг друга. Одно пойми. Дурной язык острее лезвия. Хоть сто фамилий поменяй, а народ всё равно Мартышкиной величать будет. Все оскорбления идут не от доброго сердца. Дураков слушать — себя не уважать. Юбовь! Вот что оберегать нужно. А там и счастья не упустите.

— И как быть? — тихо спросила Маруся.

— Мириться. За тем и пришёл.

— Отчего же сам не идёт? Все вечера у калитки просидела. До утра в окно гляжу, а он... — девушка опомнилась: — Так вы хотите, чтобы я?... Но... первая... Тоже... поймите меня правильно.

— Здесь правда твоя, — согласился старик. — Ты вот что: с первыми сумерками ступай к мостку. Игорёк тоже явится. Там и поговорите.

— Вы ему...

— Ничего не скажу. Не бойся. Мало ли зачем тебя к реке занесло вечером. Отраженьем любишься.

Девушка улыбнулась:

— Придёт? — тихо спросила.

— Никуды не денется. А не пойдёт, самолично прутом погоню.

Маруся обняла старика, крепко прижала к себе:

— Спасибо огромное, Арсений Игнатьевич!.. Спасибо, родненький.

— Ну, будет. Будет тебе, — зарумянился старик. — Ступай с богом.

— Побегу?

— Поспешай не торопясь.

Девушка ещё раз обняла старика и быстро зашагала в гору, где виднелась улица. Старик, глядя ей вслед, улыбнулся:

— Эх, юность-юность. Юбовь... юбовь, — и не спеша направился следом.

СЧАСТЛИВЫЙ БИЛЕТИК

У Игоря Лысёхина была мечта. Странная мечта. Хотелось ему до боли в животе совершить что-нибудь эдакое-такое, чтобы в родном селе его народ ахнул. Мол, вот он, оказывается, какой, наш Игорёк, а мы и не ведали, погляди-те-ка только. Человек, мол, прожил с нами бок о бок сорок лет, а мы и не знали, что он такой ода-рённый. Вон какую штуку выкинул! Это надо же. Зря мы его всерьёз не воспринимали и над ним потешались... И всем сразу же будет стыдно. А он, Игорь, пройдёт важно по улице и на каждого посмотрит свысока, перебирая зубами папирозину. Что? Не ожидали? То-то же.

Был он весь какой-то неказистый. Не сказать, чтобы там толстый или худой. Нет. Больше вроде бы как пластилиновый: дряхлые руки, узкие плечи, висячий живот. Голова его рано стала седеть, оттого он брился наголо. И его уши выпирали, как молодые лопухи. Взгляд нерешительный, нелепый. Было время, когда он стеснялся своей неуверенности. Правда, с возрастом комплексы утратили силу, но зависть к счастливым и в чём-то преуспевающим людям осталась.

Жена его, Альбина, хоть красотой и не славила, но женщиной была далеко не глупой. Дорожила семьёй и потому во многом потака-ла мужу.

«И по кой чёрт мне сдались эти расфуфы-ренные кровати? — размышлял Лысёхин. — Только нервы от них одни. А моя... вот она. Рядом. Ниже травы, тише воды. И душа спо-койна. Чего ещё мужику надо?»

Иногда, когда у Игоря было игривое настро-ение, он ласково называл супругу обезьянкой. «Обезьяночка ты моя, приготовь на ужин голубцы, как ты умеешь. М-м?» Женщина улы-балась и шла на кухню выполнять просьбу му-жа. Хотя сравнение было неприятным, виду не подавала.

Она и сама иной раз была остра на язык. И когда случались ссоры, без которых не может обойтись ни одна семья, Альбина знала, как приструнить мужа. «Ну, чего ты трепыхаешься,

как воробушек озябший? Только шум один. Прекрати. Смешно даже, — говорила она тихим, спокойным голосом. — Чего зубами скрипишь? Сморщился весь, как юродивый какой».

Заслышав обидное слово, Лысёхин бледнел, как старая поганка, хмурил брови и, возмущаясь, покидал избу.

Мирились быстро. Угрюмый Игорь бесцельно расхаживал по дому, тяжело вздыхал и без причины касался мебели, но это больше так — для виду. Подолгу на жену он никогда не сердился. И Альбина знала это, знала и то, что первой «дружбу-мир» предложить должна была всё-таки она. Одно лишь ласковое слово — и Игорёк вновь засияет, как медная монета. Не обидчивый был, хоть и пытался показать характер.

— Жена должна мужика уважать, — говорил он каждый раз, когда подолгу не получалось помириться.

Прекрасно зная, какой у супруга темперамент, Альбина соглашалась.

— Должна... Должна, — кивала она и велела слазить в погреб: — Достань картофель. И грибочков захвати. Солёного захотелось что-то.

Игорь послушно спускался в погреб и доставал всё, что ему было велено. Жареную картошку с лучком да с солёными грибами Лысёхин уважал. А вот пюре не признавал ни в какую.

— Старушечье блюдо, — говорил он о пюре. — Только детей да стариков беззубых кормить.

Альбина смеялась. Трогала его за большие уши и ласково, чтобы не обидеть, говорила: «Мамонтёнок ты мой лопухий».

Игорь не обижался. Напротив, улыбался, хватал жену за талию и пытался расцеловать.

Однажды, когда Лысёхин покупал сотовый телефон, пышногрудая девица (сотрудник «Евросети») предложила взять вместо сдачи лотерейный билет. Игорь отказался. Мол, никогда в эту халтуру не играл и не желает изменять своим принципам.

— Как знаете, — хмуро ответила продавщица. — Удача скупых сторонится, и то верно.

И сказано это было с таким негодованием, с таким нелепым презрением, словно Лысёхин когда-то давным-давно у этой самой барышни одолжил кругленькую сумму денег и вот теперь при неожиданной встрече не желает от-

давать. Что за манера — втиснуть какую-нибудь белиберду, а затем высмеять человека, ежели тот откажется брать.

Глянул по сторонам — кругом народ. Таки пришлось купить билетик да по-быстрому удалиться. На улице повнимательнее разглядел свою злосчастную покупку. Обычная бумажка, ни дать ни взять.

«Опять одурачили», — рассердился Игорь и, сложив билет, убрал его в карман.

По субботам Лысёхин топил баню. Парился. Затем, ближе к вечеру, захаживал в бар опрокинуть грамм сто пятьдесят водочки и заглушить всё это дело пивом. У барной стойки выпивал положенные граммы, брал бокал пива с воблой и присаживался где-нибудь в уголке. Любил Игорь не спеша почистить рыбу и насладиться пивом. При этом не забывал послушать, о чём беседует народ. За какие-то пару часов можно было узнать много новостей. Отчасти только ради этого Игорь сюда и шёл. Пиво мог бы и дома испить у телевизора, но ему хотелось побыть среди людей — почувствовать и себя песчинкой этого огромного пляжа. И если вдруг кто-то встречался из знакомых, могли пригласить составить им компанию. Игорь ждал этого момента и всегда надеялся, что суббота не пройдёт даром.

Так было и в этот раз. Стоило Игорю присесть в дальний угол, как его взгляд упал на противоположные столики, что вплотную были сдвинуты друг к другу. Там гулял Гордей. Игорь знал его: вместе когда-то работали. Гордей, сколько себя помнил Лысёхин, был водилой — с малых лет за «баранкой». Последние года три работал на дальнике, дома бывал нечасто, и, ежели с мужиками посещал бар, это был праздник. Вино лилось рекой, денег Гордей не жалел. Игорь знал это, потому и глазел сейчас так пристально на соседние столы. Заметят али нет?.. Его заметили. Гордей махнул рукой — подозвал к себе Лысёхина, и тот с пивом и с отгрызненным хвостом воблы скромно присел рядом.

— Чего один скучаешь? — спросил Гордей.

— Да я так, — пожал плечами Лысёхин. — На минуту и зашёл всего. Дай, думаю, перед сном грядущим бокал холоденького опрокину.

— Это несерьезно! — засмеялись мужики.

Гордей щёлкнул пальцами. Ему подали ещё одну стопку.

— В таких заведениях душа отдыхать должна, — подмигнул он.

Выпили... затем ещё разок... и ещё.

И понеслись, как молодые кони, споры; зажурчали, словно весенние ручьи, разговоры. Стало шумно. Лысёхин то и дело поглядывал на Гордея. С щетинистых щёк того ни на секунду не спадала улыбка. Больше всего сейчас Игорю хотелось так же нагло, как Гордей, щёлкнуть пальцами и по-хозяйски заявить: «Угощаю!» А когда в этом захудалом заведении не останется ни единой трезвой души, громко рассмеяться и, откинувшись на спинку стула, поглаживая живот, обронить: «Бей посуду, я плачу».

Что ни говори, а с деньгами тебя и любят, и уважают, и глядят на тебя по-особому. Для всех ты свой: и друг, и брат, и даже сват. Лысёхин всегда придерживался этого мнения. И если бы он, Игорь, имел сейчас большие деньги, разве не угостил бы кого вином? Запросто. Бросал бы купюры, как шелуху от семечек. Показал бы всем, как умеет гулять Игорь Лысёхин. А денег не было, и такая несправедливость очень сильно огорчила Игорька.

«Ну-ну, обезьяна небритая, — размышлял Лысёхин, косясь на весёлого Гордея. — Смейся-смейся, сори деньгами. Олух. Мы-то знаем, кто к твоей жёнушке в гости захаживает, пока ты в рейсе. И все знают».

Игорь каждого сидевшего за этим столом презирал. Презирал и ненавидел за их нелепые шутки, за разговоры, за громкий лошадиный смех. За то, что, будучи сейчас в одной компании, он всё равно чувствовал себя чужим и ненужным. Даже взглянуть лишний раз в его сторону никто не желал. Да и зачем? Когда человек за весь вечер не проронил ни слова, а только и делает, что водит глазами по сторонам да морщится. И чем сильнее Лысёхин пьянел, тем глубже заползали в душу тоска и обида. С ним это бывало. И если трезвого не покидала мысль о грандиозном поступке, чтобы всех удивить, то под хмелем зависть у Игоря быстро перерастала в злобу.

Кто-то из мужиков пожаловался, как его в магазине пытались обмануть.

— Товар, значит, по одной цене. А на кассе пробивают совсем по другой. Жулики.

Послышались возмущенные реплики. Мол, действительно, продавцы нынче пошли такие, только и думают, как одурачить нашего брата. Лысёхин, припомнив случай с лотерейным билетом, решил-таки внести в разговор и свою лепту. С таким же негодованием в голосе заявил, как и ему недавно насильно втюхали бестолковую бумажку, при этом выставив его самого круглым дураком.

— Знают они, как народ облапошить, — и в знак доказательства достал из нагрудного кармана билет. Демонстративно покрутил им в воздухе и положил на стол. — Вот, пожалуйста. Полюбуйтесь.

— Действительно, — соглашались мужики.

— Не выиграл? — спросил Гордей.

— Разве у них что выиграешь? Это же чистой воды надувательство, — усмехнулся Игорь. — Как сунул в карман, так и ношу по сей день, чтобы впредь умнее быть.

Гордей попросил Степана, чтобы тот проверил по тиражу номер билета. Авось, глядишь, и окупится. Степан, самый молодой из компании за столом, достал сотовый телефон и принялся искать в интернете результаты розыгрыша.

Спустя немного времени раздался Степанов голос:

— Тут такое дело... — опешил он. — Пол-миллиона, братцы...

— Э, ты не дури, парень, — одёрнули его.

— Ей-богу. Сами посмотрите, — и Степан показал мужикам экран телефона. — Всё сходится. Так и есть. Билетик-то наш оказался золотой.

— Мой! Мой билет, — жадно выкрикнул Лысёхин и вырвал билет из чужих рук. Мужики рассмеялись.

— А коли твой, тогда и проставиться не грех, раз такое дело, — озорно заметил Гордей.

Припрятав счастливый билет в карман, Лысёхин пожал плечами и неуверенно ответил, что угостить по такому случаю действительно можно, и даже, пожалуй, нужно, да только вот денег на это с собой нет.

— Это дело поправимое, — ответил Гордей и, подозвав к себе бармена, объяснил тому всю важность нынешней ситуации. — Запиши нам,

братец, в долг. Не откажи в любезности. Приятель после расплатится. Для него это теперь — тьфу! Капля в море.

— Отчего же не помочь хорошему человеку, — кивнул бармен. — Будет сделано, Гордей. Не изволь беспокоиться.

И полилось вино с новой силой. За соседними столами, разузнав, по какому случаю праздник, тоже принялись поздравлять счастливчика. Игорь радостно принимал комплименты; шёлкая пальцами, подзывал бармена и велел нести ещё водки. Душа его сейчас ликовала как никогда. Вот оно... Наконец-то. Заговорят теперь и про него. Заговорят! Каждая баба в селе не раз вспомнит о нём и подавится завистью. Точно-точно. Так и будет. Потому как люди очень ревнивы на чужое добро.

«Веселитесь-веселитесь, черти волосатые. Дядя Игорь сегодня щедрый, — ухмылялся Лысёхин. — Это вам не хухры-мухры».

Но со временем, чем больше заказывали закуски и водки, тем сильнее Игорь становился мрачен. В уме он, конечно, уже подсчитывал, на сколько опустеет его карман. Оттого и глазел так жадно на каждую новую бутылку. Видать, тому, кто никогда не жил на широкую ногу, расставаться с деньгами не так легко. Шиковать не каждому дано, это тоже уметь надо.

И вот что странно: поздравления, комплименты иссякли, и на Лысёхина опять никто не обращал внимания. Даже теперь, беседа между собой, мужики так нахально позабыли, кто за всё это платит. Гордей брал весь разговор на себя, оставаясь и сейчас душой компании.

От обиды и переживания Лысёхин быстро захмелел. А водку всё заказывали и заказывали, давно уже не спрашивая разрешения. Барин платит — праздник идёт. Чего ещё надо? Видать, и с деньгами можно быть никому не нужным.

Игорь перепрятал билет в укромное место: пока никто не смотрел в его сторону, он осторожно просунул его в потайной карман брюк. «А то я вас знаю, — подозрительно глядел он на каждого. — Дай вам только волю — вы с руками оторвёте, дьяволы».

Игорь налил себе стопку и выпил один. Приподнимаясь, пошатнулся и угодил рукой в салат. Протерев салфеткой ладонь, громко

свистнул. В его сторону устремились взгляды.

— Бей... — Лысёхин запнулся, но, набрав носом воздуха, выкрикнул: — Бей посуду, я плачу! Раздался громкий смех.

— Ничего бить не нужно, атаманы, — вмешался бармен. — Я вас очень прошу.

— Князёк разрешает, — засмеялся Степан. — А чего бы и нет?

Игорь злобно шевельнул скулами. Так вот они, значит, как с ним. Князёк... да ещё со смехом... А ведь он для них сейчас ничего не жалел. А они... ироды.

Лысёхин, пошатываясь, направился к выходу. Его окликнули. Обернувшись, Игорь бросил злобный взгляд в толпу и покинул бар.

Совсем недавно прошёл дождь. Было свежо, прохладно и грязно. Игорь жалко поплёлся к своему дому. Всё вокруг было ненавистно этому одинокому и маленькому человеку в такую темную ненастную ночь. Хотелось плакать. Хотелось сделать что-нибудь плохое.

— Я ещё вам всем покажу! — ругался Игорь. — Вы ещё меня узнаете. Вы все меня ещё узнаете! Только будет поздно. Никому руки не подам.

У самого дома Лысёхин не смог обойти большую лужу и плюхнулся пьяным телом в грязь. На крыльце у порога снял с себя грязную одежду и, подойдя к рукомойнику, умыл лицо и руки. На террасе прилёг на старую пружинистую кровать и тут же уснул.

Поутру, проснувшись, Игорь попытался вспомнить вчерашний вечер. Злобы не было. Даже обиды как таковой ни на кого не держал. В памяти мелькнул билет. Именно он и заставил Лысёхина улыбнуться и подняться на ноги. Предчувствие того, как он сейчас обрадует и удивит жену, переполняло душу.

Игорь поспешил в избу. Альбина занималась уборкой. Завидев грязного мужа, невольно улыбнулась:

— Здравствуй!.. Ступай в баню. Не для тебя я тут с утра пораньше полы намыла.

— Счас, — радостно забегал Лысёхин по комнате. — Счас всё будет... Где моя вчерашняя одежда? Брюки где?

— Где им ещё быть? На верёвке, естественно.

Лысёхин пулей выскочил во двор, где сушилось бельё. Страшное предчувствие не заста-

вило себя долго ждать. Так и было. Брюки выстираны вместе с билетом.

— Озолотила... мать твою, — с болью проронил Лысёхин, держа в руках негодный лотерейный билет.

— Чего говоришь? — не расслышала Альбина.

— Ничего! — крикнул на неё Игорь.

— Дурак и есть дурак. Это надо же. Ещё и орёт, — обиделась Альбина и зашла в избу.

Игорь, обхватив затылок руками, истерически засмеялся. Вспомнил про вчерашний долг в баре, и сердце кольнуло.

— Вот уж, действительно, счастливый билет. Ничего не скажешь, — и грустно добавил: — Повеселится теперь народ... Долго вспоминать будут, так и хотел этого. Анекдот ходячий, да и только. Тьфу!

Нетвердой походкой Игорь побрёл к дому. На сердце было тяжко. Хотелось выпить. Уснуть. И забыться.

ГЕНКА-САМОДУР

У Генки Окунькова была одна слабость — он любил спорить, и спорить с хитрецей. Не так, как бьют с размаху в лоб, а лукаво играть с собеседником, валять дурака. В районе его за эти проделки не любили и часто хаяли, называя самодуром. Работал Геннадий на заводе токарем. Тут ничего не скажешь — работать Генка умел. Что-что, а руки подход к работе знали: из любой безделушки выточит тебе деталь — точь-в-точь, до миллиметра. Только вот озорливый бесёнок в Генкиной груди постоянно просился проказничать.

Бывало, выйдет с мужиками в курилку, закурит со всеми, пуская маленькие облака табачного дыма, покосится по сторонам, выждет нужную минуту и, невинно кряхтя, как бы невзначай скажет:

— Слыхали, Ромке Козину поросёнок ногу сломал?..

— Ничего себе поросёнок! — усмехнутся мужики. — Хех. Там боров пудов на двенадцать.

— Куда так откармливать? Как самого — спасибо! — не слопал.

— Нечего с перепоею к ним соваться. Небось, вовремя не покормил. У них ведь что обед, что ужин — по распорядку. Как в армии. Свинья она, собака, такая. На минуту с едой задержишься — борзеть начинает.

И понесутся в курилке разговоры о том, как их общему знакомому хряк сломал ногу.

А дело было так. Этот самый Козин действительно был навеселе, когда, намесив в ведре корм, отправился в хлев. Голодный боров прижал худое тело хозяина своим мясистым боком к стене. Еле вырвался Ромка из этого плена. То ли хряк ступню придавил, то ли сам подвернул как... Оказалось, перелом. История эта произошла недели три тому назад и давно побывала у каждого на устах. Район маленький — любит народ потрепать языком.

Генка прекрасно знал, что это не раз обсуждали в этой же самой курилке. И всё равно, словно случилось час назад и об этом известно лишь ему одному, нужно ему гаркнуть: «А вы слыхали?..»

И народ шумит, спорит. Тоже от... Дай лишь повод. Хлебом иной раз не корми — только бы кого обсудить. И если рядом находился Окуньков, то повод потрепаться, облить кого-нибудь грязью всегда находился. За Генкой не заржавеет. Всегда найдёт, что сказать, этот маленького роста мужичок с рыжими бакенбардами. После будет стоять в сторонке и с ухмылкой наблюдать, как коллеги спорят, изредка подкидывая дровишки в костёр, который сам же и разжёт.

В такие минуты Генкина душа ликовала. В эти моменты он нравился самому себе, и непонятная сила окрыляла его, вознося над всеми. В сам спор Окуньков не вступал. Только поддакивал. И что самое интересное — каждый раз при подобных беседах всплывали новые факты, о которых прежде никто не слышивал. Но и здесь не обходилось без Генки. Выждет подходящий момент и с серьёзным видом заявит: «Говорят, Козин его у тёщи взял. А у той в роду одни колдуны. И сама, поговаривают, нет-нет да килу кинет. У них у самих свиньи не раз тестя кусали».

— Вот зятю любимому и подсунула хрюшку заговоренную, — скажут одни. — От такой ма-маши жди погибели.

— Да ну, бросьте вы в самом-то деле, — отмахнутся другие. — Несерьёзно.

И вновь поднимется шум-гам. Закурят мужики по новой, и каждый начнёт доказывать, могла ли в самом деле тёща скотину заговорить... Постепенно разговор перейдёт и на колдунов. Как выяснится, чуть ли не каждый имел с ними дело. А кому-то и вовсе эти тёмные личности приходится дальней родней. А Генка стоит себе в сторонке как ни в чём не бывало и от радости виляет хвостом. Ох уж его это коронное слово «говорят»! Никогда не подводило.

Умеет этот Окуньков замутить воду. Умеет.

В майские праздники к Геннадию приехал погостить шурин Виктор Буряков. Мужчина средних лет, крепкий и высокий, кулаки как трёхлитровая банка. С такими ручищами только кузнецом работать в кузнице. Рядом с Буряковым Окуньков со своими рыжими бакенбардами и сутулым телом выглядел хило. Может быть, поэтому в маленькой Генкиной душе затаилась большая неприязнь к этому сильному человеку. Жил Виктор в городе, работал заместителем директора в одной фирме, зарабатывал неплохо, но свободного времени совсем не было. Потому-то редко навещал сестру и не так хорошо, как хотелось бы, находил общий язык с Генкой. С ним вообще было трудно сдружиться — скользкий, вредный, сам себе на уме и с непонятной обидой на всех. От таких всегда жди удар в спину.

Буряков, как каждый уважающий себя гость, а тем более любящий старший брат, приехал к сестре не с пустыми руками. Привёз неплохие подарки. Этим ещё сильнее задел самолюбие хозяина дома. За чашкой чаю Виктор с сестрой мирно завели беседу. В основном что-то припоминали из прошлого, из детства. Посмеялись. После Геннадий с Виктором отправились в баню. Парились на славу, тазами лили воду, не жалея. Париться Генка любил и к бане относился с большим уважением. За всё это время не произнес ни слова. Лишь кряхтел да кивал головой. То ли выискивал нужную минутку, то ли... чёрт его знает. Поди разбери, что у него на уме.

Вышли в предбанник, обвязались полотен-

цами и, разруганные, плюхнулись на лавку, как морские котики, выпятив законное с возрастом брюшко.

— Ох, хорошо! — воскликнул Виктор, надеясь хоть как-то развеять молчание.

Генка неохотно повёл бровью.

Буряков достал газету, расстелил на столе, вытащил из пакета воблу и две бутылки пива. Одну протянул Геннадию:

— Холодненького?

— Не пью.

— Да я и сам... в последнее время вот баловаться стал, — улыбнулся Буряков. — А раньше ни-ни, даже пиво.

— Чего сейчас запил?

— Ну, ты, братец, тоже скажешь. Хех. Разве это... Та-ак, детская шалость, — Буряков снова улыбнулся. Ему хотелось завести беседу лёгкую, шуточную, несерьёзную, но пока не удавалось. — С коллегами в выходные в сауну захаживать стал. Пар костей не ломит, пиво не пьянит. Расслабляет хорошо после трудовой недели. А с рыбкой так вообще милое дело.

— Так всегда и бывает, — сказал Генка, бросив взгляд на бутылку. — Сначала пиво с рыбой, затем водочки грамм сто пятьдесят... через годик и пол-литра мало. Потом в лопухах валяетесь. Ищи-свищи, ходи вот подбирай вас, пьяниц.

Виктора такой разговор сильно удивил. Он постарался не подавать виду. Потерев затылок, нелепо улыбнулся:

— Чего доброго, и впрямь к алкашам запишешь.

— Отчего же? — Генка говорил медленно и тихо. — В моём понимании так. Люди делятся на две категории: на пьющих и непьющих. К какой относишься ты, это, друг мой, тебе решать.

Буряков промолчал.

— Взять в пример соседа моего, Володьку, — продолжил Генка. — Хороший мужик вроде бы, если посмотреть с одной стороны. И работать может, и голова, и руки из нужных мест растут. Всё — в дом, всё — для семьи. Но а ежели приглядеться хорошенько, то увидим один дефект, который мешает жить. Володька пьёт. И пьёт, собака, загулами. Стоит опрокинуть за воротник — месяц из жизни вычеркни. Всё, что в дом принёс,

пока работал-трудился, вынесет-пропъёт. Вот такой вот у него круговорот. Изначально потом и кровью заработает телевизор, а после за пару пузирей снесёт куда-нибудь. И жену нет-нет да и поколачивает, когда хмельной... Беда прям с этими пьяницами. Была бы воля моя — всех бы в одну охапку сгрёб и отправил куда-нибудь на необитаемый остров. Пусть там кукуют.

— Чего это ты разошёлся с бухты-барахты?.. — недоумевал Буряков. — Интересно даже.

— А вот Калмыков... это другое дело. Бросил, — проигнорировал вопрос шурина Генка. — Ну, как — бросил?.. Тоже не без помощи родных. Хоть на человека стал походить. А то как леший обросший и в репьях ходил. А ведь тоже начинал с кружки пива. Как у тебя. Быстро до белой горячки дошло. Чуть дом не поджег. Благодаря родне только и выкарабкался из этой бездны. Закодировался. Сколько уже?.. Погоди. Та-ак... Года четыре, поди, как ни капли в рот. А благодаря кому? Благодаря маме с папой да сестрёнке с шурином. Если бы не они, всё, пропал бы парень.

— К чему ты это клонишь? — Буряков исподлобья глянул на Окунькова.

Улыбаться и шутить давно перехотелось. Почищенная рыба лежала на газете рядом с нетронутым пивом — дожидались своей участи. От разговора такого у Виктора вся охота пропала употребить «холодненького». Отчитали, как школьника у доски.

— Всё о жизни. О суровой правде жизни, — спокойно ответил Генка. — А на правду обижаться не стоит, какая бы она ни была. А то порой пытаешься вразумить, глаза, так сказать, раскрыть, а в ответ ноздри раздувают. Нехорошо. — Генка кивнул шурина. — Могу разузнать адресок, где кодируют железно. Не чужой всё-таки. Смотри. Четвёртый год парень не пьёт.

Буряков на это ничего не ответил, лишь скрипнул зубами и сжал под столом могучие кулаки. Да и что здесь скажешь? Говорил Окуньков тихо, спокойно, рассудительно. Даже какое-то сочувствие, что ли, виднелось в его глазах. Оно-то и смутило Виктора, привело в растерянность. Если бы Генка ухмылялся и всё это говорил с иронией, давно бы, не раз-

думывая, шурина послал его куда подальше. Может, даже щёлкнул бы разок воблой по умному лбу, чтоб не ёрничал.

Вот ведь тоже как! Наивная добрая русская душа. Вежливыми пытаемся быть. Скромничаем, особенно в гостях. Угодить стараемся. А где и на подлость промолчим, лишь бы не обидеть. А нахалы этим пользуются. Всегда. Не сразу и разберёшь порой, что глумятся намеренно. Оттого и обидней во много раз, когда осознаёшь это.

Генкина душа ликовала. Загляни сейчас к нему внутрь и увидишь, как хилая душонка выплясывает там «цыганочку».

— На работе как-то случай был, — Буряков решил сменить тему. — Перед самыми новогодними праздниками директору годовой отчёт готовил, ну и...

— Подворовываешь? — перебил Генка всё тем же спокойным голосом.

— Не понял, — Виктор действительно не понял вопроса.

— На работе, говорю, подворовываешь? Подарков привёз чуть ли не в три моих зарплаты. Подозрительно как-то. — В глазах Окунькова внезапно мелькнул огонёк лукавства. — Мне признаться можно. Не бойся. Свой же. Ну?..

— Пошёл ты, — Буряков шевельнул скулами. — Работать нужно, а не языком чесать, помело. Тогда и деньги водиться станут. Какую зиму Лариске шубу купить не можешь. Мужик называется. Лучше буду смотреть, кто сколько в рот залил, чем лишнюю копейку подзаработаю. Дети моря не видели... Развёл демагогию курам на смех.

— Ну от пожалуйста! Что я и говорил. Сразу в бочку полез. Раздул ноздри, — Окуньков не удивился. Он был готов к такому повороту. — Разве стоит на правду обижаться?

— Правда, она ведь тоже, друг мой, у каждого своя.

— Распустили вас, начальников. Распустили, — укоризненно заявил Генка. — Тут стоишь целыми днями у станка, как истукан какой, и получаешь гроши. А кто-то в кабинете в галстук просиживает и получает раз в десять больше, тяжелее авторучки не поднимает. За что, спрашивается, такая зарплата? За

то, что в саунах паритесь да пиво вёдрами пьёте? Жулики, — Окуньков прищурил порослячи глазки. — Купишь жене шубу, как же! Когда такие вот, как ты, спокойно дышать не дают. Дали волю душегубам. Только и знаете хапать да хапать. Всё мало вам. Директора липовые. Научились наживать на народе. Тьфу!.. Любое производство только и держится на рабочей силе. Вспомни, как было раньше. Любой шофёр, любой комбайнёр получал больше, чем председатель. А почему? Да потому, что труд человеческий ценился. Уважали работу и дело. Не то что ныне. Сделали из людей рабов. Пашут как волы на двух работах и всё равно каждый рубль берегут.

— Так-то оно, конечно, да. Всё ты правильно говоришь, — не сразу ответил Виктор. — Равноправия и справедливости давно нет. Отдали предприятия олигархам, развалили всё кругом, разворовали... Потому и ломает народ горб на чужого дядю. — Буряков помолчал. — Если всё так худо с работой... перебирайся в город. Место подходящее найду. С жильём первое время тоже помогу. Мужик ты неглупый. Языком трепать перестанешь — сработаться быстро. Коллектив у нас хороший.

— Место, говоришь, подходящее? — переспросил Окуньков, хотя прекрасно расслышал.

— Ну, — кивнул Буряков. — Лариску давно зову. По голосу слышу, что и хочет, а всё равно... родные стены не отпускают. Тревожится. Вдвоём уговорим. С педагогическим образованием устроится быстро. И детям в городе лучше, интересней. Ты подумай. Не понравится — вернуться всегда сможете.

— Как всё просто. Захотел — уехал, захотел — приехал, — Окуньков впервые натянул на лицо улыбку. — А жить где изволишь? У тебя?

— Зачем у меня? — Буряков открыл бутылку пива, отхлебнул, надкусил рыбу. Разговор вроде стал налаживаться. — Первое время можно и у меня перекантоваться. Потом квартиру снимете.

— Неужто на собственную не заработаем? — усмехнулся Генка. — По чужим квартирам предлагаешь мотаться?

— Многие жильё снимают годами — и ничего. А то ссуду возьмёте. Всё лучше деньги за

собственную квартиру платить, нежели за съёмную.

— Всё бы хорошо, — сказал Генка, притворно обдумав решенье. — Да, боюсь, сопьёмся с тобой.

Буряков поперхнулся пивом:

— Ты опять за старое?

— Стоило тему сменить — и ты уже за бутылку взялся, — Генка сиял от радости. Веселило растерянное лицо шурина. — Меня не проведёшь. Пей, пей, чего ты? Я же у тебя не отнимаю.

Виктор с силой поставил бутылку на стол. Содержимое пеной полезло наружу.

— Каждый раз, как ни приеду, поражаюсь наглости твоей.

— А никто тебя сюда не зовёт, — нахмурился Генка. — А то приехал. Привёз дерьма всякого. И без тебя этого хлама навалом. Девать некуда.

— Что ты бесишься, скажи? То, что я Лариске шубу купил, которую ты не осилил? — Буряков пронзительно посмотрел в Генкины глаза. — Тебя что, клопы заели?

— На фигу ей шуба сдалась, дурень? — рассердился Генка. — Заладил: шуба-шуба. Будто без этой вашей норки житья не было. Где здесь в ней расхаживать, перед кем красоваться? Гусей и коров смешить?

— Малахольный ты какой-то, — спокойно сказал Буряков. — Ничего в этой жизни не добился и других презираешь за настойчивость их и стремление. Оттого и бесишься, что годы идут, а оглянись назад — ничегошеньки путного не сделал. Не уважают тебя здесь, Гена. Не уважают. Так и будешь к семидесяти годам для всех Гена-простофиля. Или как там тебя? Самодур?.. И то верно.

— Будто тебя никто не ругает, — Окуньков злобно скривил губы.

— И меня хают за глаза, чего грех таить. Но меня бранят от зависти. А над тобой весь посёлок смеётся. Нехорошо. Взрослеть пора, — Буряков надкусил рыбу. Пивом запивать не стал. — Пора уже примоститься к какому-нибудь делу. Хоть бы кроликов разводил. Или хрюшку завёл. Всё бы меньше дуростью маялся. То сена заготовишь, то в хлеву уберёшься. А то... отработал положенное время — и баклуши

бить, обсуждать, кто как живёт и сколько выпил... Что не пьёшь, хорошо. Твой бы умишко направить в нужное русло, и толковый мужик бы вышел... Даже смешно иной раз, ей-богу. Как ни приеду, бранимся с тобой. А если подумать хорошенько — чего нам делить?

Помолчали.

— Что ж ты в баню пошёл со мной, раз правильный такой? — обида не отпускала Генку. Крепко закусил его. — Не боишься замараться?.. Потому и бабы нет, что умный слишком.

— А это здесь при чём?

— Конечно, ни при чём. Уже виски седые, а всё, как студент, один, — Генка с презрением усмехнулся. — И с деньгами, видать, никому не нужен.

— Дурак. С тобой же ни о чём серьёзном поговорить нельзя, — психанул Буряков. — Самодур и есть самодур. Верно говорят. Да ну тебя!

Виктор принялся одеваться.

— А нервишки-то слабенькие, — Генка не скрывал радости. Всё же умудрился раскачать и вырвать с корнем этот здоровенный пенёк.

— Поговори мне ещё.

— Чего не женишься? — Окуньков не унижался, давил на больное.

— Не твоё собачье дело.

Бурякову было сорок два года. Так случилось, что не довелось побыть ему в шкуре супруга. И это, признаться, тяготило Виктора. Всё он прекрасно понимал: что дети это и есть то, ради чего стоит жить. Не ради работы, карьеры и самого себя. Нет. Ради детей. Только вот семьёй обзавестись никак не удавалось. И потому вопросы, касающиеся его личной жизни, вводили в ступор и смущали.

— Чем пиво дуть, жену бы лучше искал. Вроде солидный и рожей не обидели. Чего в самом деле один? — Генка сиял как медный таз. — Не получается?.. Мой тебе совет — бери с ребёнком. И самому стараться не нужно. Уже плюс. А коли дур у вас таких нет, так у нас навалом. Бери любую. Не ошибёшься. Ты ей, разведёнке, покажи бумажник, да не забудь упомянуть, что из города. Всё! Она твоя. Будет хоть кому на старости лет кружку пива подать.

— Ах ты сволочь! — Буряков двинулся к Генке. Могучий кулак поднёс к самому его носу.

— Дать бы по загривку разок, чтоб ерунду не молот. Ещё раз, поганец эдакий, вякнешь, вмиг по сусалам словишь. И на Лариску не посмотрю.

В глазах Виктора блеснула ярость. Генка это заметил. Не врёт. Если заикнуться сейчас в оправдание, запросто можно словить по физиономии.

Буряков молча накинул брюки, рубашку и, застегиваясь на ходу, вышел во двор.

— Попробуй двинь! Я тебе двину! Оглобля! Соседей быстро натравлю, — выругался Генка, сплюнул сквозь зубы и тоже принялся одеваться, приоткрыв дверь.

Посёлок медленно укрывался тёмной шалью ночи. Показались звёзды. Тихо кругом. Спокойно. Хорошо. Стоял приятный аромат сирени и горьковатый запах дыма. В посёлке топили бани. Была суббота.

СИНДРОМ СТАРОЙ ВЕДЬМЫ

Пять дней из жизни скомкал и — в корзину.

В субботу зеркало увидел — постарел.

*Глаза раскрыл, пошире рот разинул,
запечатлел себя, как муху в янтаре...*

Дмитрий Терентьев

С Фёдором Медведевым произошла весьма неприятная история. Он, мужчина сорока семи лет, крепкий и здоровый, как молодой телёнок, вдруг стал бояться спать. Последнее время нигде не работал. Раньше тоже зарабатывал как придётся: трудился то здесь, то там. Любил принять на грудь, смочить горло, потом подолгу нигде не задерживался. Село, в котором проживал Фёдор, хоть и большое, но не настолько, чтобы не знать пьяного Медведева. Когда выпивал лишнего, становился дотошным. Мог учинить драку, потому не раз заночёвывал в «обезьяннике». Связываться с ним, а тем более брать на какую-либо работу такого труженика никто не желал. Когда Фёдор не

пил, вёл себя скромно и даже наивно, как большой ребёнок. Злым не был. Наоборот — последнее отдаст, если видит, что человек в этом нуждается больше, чем он. Только вот винишко изрядно подводило.

Случилось это месяца три тому назад. Почистив перед сном зубы и побрившись на скорую руку, Медведев посмотрел по телевизору новости, поругал в обыденном порядке правительство и, пожелав жене Ирине добрых снов, заснул. Но, как выяснилось, добрых снов в ту ночь ждать не пришлось. Посреди ночи проснулся Фёдор и, к сильному удивлению своему, осознал, что не может встать. Да что там приподняться — пошевелиться не в силах. Жена рядом лежит, а позвать её Фёдор не может. И вдруг... дверь в комнату медленно приоткрылась и в спальню вошёл мужчина. Лица его Медведев не видел — только тёмный силуэт. Медленно прошёлся этот человек по комнате и остановился у окна. Как ни старался Фёдор, а шелохнуться не может. Даже крикнуть не удаётся. Жену разбудить и то не в состоянии. А та как ни в чём не бывало спит себе, сопя, пока по их комнате расхаживает незнакомец. Неизвестно ещё, как он сюда пробрался, для какой цели и что у него на уме. Медведевым овладел звериный ужас, сердце забилось, как перепуганная птаха в клетке.

«Всё, — пришла в голову единственная мысль. — Видать, кранты. Отходил ты, Фёдор Иванович, по земле-матушке сполна. Хватит. Вот и явилась погибель».

Тёмная фигура, почувствовав, видимо, что в комнате присутствует страх, развернулась и уверенно приблизилась к кровати. Склонившись над Фёдором, ледяной ладонью сжала ему шею и принялась душить. Понимает Медведев, что смерти ему не избежать. А умирать неохота. Пытается изо всех сил пошевелиться, хоть как-то дать отпор... Вскочил с кровати и не поймёт, в чём дело. Включил свет и с бешеными глазами принялся искать в доме незваного гостя, напугав до смерти жену. Придя к выводу, что всё это ему приснилось, успокоился. Но похожие кошмары продолжились: за три месяца раз шесть-семь подобное снилось. Так же в комнате был посторонний человек, так же он, Фёдор, не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, и по-прежнему его пытались задушить.

— Всё, мать, видать, умом тронулся, — жаловался Медведев супруге.

Жена предлагала пойти в больницу и рассказать врачам всё как есть.

На это Фёдор только хмурил бровь:

— Упекут в дурку ишо. Эти могут. Дай только повод, — и, помолчав малость, добавлял: — Гляди сама, где кому не ляпни. Народ, сама знаешь, какой у нас. Прохода не дадут, будут скалиться.

Супруга молчала, хоть и была сама как на иголках. Мало приятного, когда мужик твой посреди ночи с криком вскакивает с постели. Посоветовавшись с мужем, Ирина решила позвать старшего брата в гости. Тот жил в городе и работал ветеринаром.

— Всё какой-никакой врач. Поди, должен знать, что за бесовщина такая и где хворь эту подцепил. Не заразна ли? — промолвила супруга. — Может, совет какой дельный даст или ещё чего. Алексей — мужик не глупый.

— Зови, — не сразу согласился Фёдор. — Пусть в субботу приезжает. Я баню истоплю... Родня как-никак. Поди, если что и серьёзное, промолчит — в психушку не сдаст.

— Может, таблеточкой какой обойдётся, — сочувственно кивала жена.

— И за что такие мучения! — вздыхал Фёдор. — Никогда не думал, что на старости лет спать бояться буду.

На том и решили. Ирина позвонила брату, пригласила в гости. Мол, давно не был. Алексей ссылался на дела, но уговорам в итоге неохотно поддался. Прибыл в субботу под вечер. Фёдор занимался баней. Ирина, пока мужа не было рядом, вкратце поведала, что за напасть пришла в их дом.

— Бойтся спать ложиться теперь, — призналась. — Сама переживаю. Как бы чего доброго и мне не досталось. Рука у Фёдора тяжёлая. Даст во сне по лбу да пришибёт ненароком.

Внимательно выслушав сестру, Алексей, поправив очки, негромко сказал:

— Сонный паралич.

— Батюшки! — испугалась Ирина слову «паралич». — И как быть?

Алексей макнул печенье в чай и по-детски улыбнулся:

— Никакой опасности, как правило, явление

это за собой не несёт. Да и встречается не так уж редко. Попросту говоря, людей, которые хоть раз испытали подобное во сне, на самом деле немало. Происходит это в стадии быстрого сна. Мозг как бы уже проснулся, хотя тело по-прежнему спит. Главное — вовремя осознать, что угрозы никакой нет. И в скором времени непременно покинешь сон. Не лишне знать, что всё это длится не больше минуты-другой. Да, нередко сопровождается это и галлюцинациями. Главное, не поддаваться панике... Сейчас для Фёдора важно нормализовать порядок дня и стараться ложиться спать в одно и то же время. Желательно погружаться в сон вечером, а днём бодрствовать. И пусть старается спать на боку... В общем, сестрёнка, не так это страшно, как кажется на первый взгляд.

— Ох! Словно камень с души, ей-богу, — вздохнула с облегчением Ирина. — Говорю, главное: иди в больницу. Ни в какую. Боится, что в дурку упекут. Он у меня в этом плане трусит сильно. Сроду к врачам не обращался. Как на собаке заживает всё.

— В дурку, говоришь, боится, упекут? — Алексей задумался.

— Ага, — улыбнулась Ирина. Теперь, узнав, что всё это не так страшно, странные сновидения мужа даже как-то рассмешили.

— Пьёт по-прежнему?

— Мимо льёт! Уж и не знаю, что с ним делать. Каким богам молиться, чтоб дрянь эту лакать перестал.

Алексей помолчал.

— Знаешь что, — сказал он после недолгих раздумий. — Ты пока не говори Фёдору ничего. Хорошо? И подыграй, если что, немного.

Ирина хотела спросить, в чём именно подыграть и отчего такая конспирация, да не успела: в избу вошёл Фёдор и увёл Алексея в баню.

Парились на славу. Фёдор то и дело поддавал ковшом и до изнеможения хлыстал себя веником по распаренному телу. Алексей, глядявая на его широкие плечи, крепкую грудь и сильные руки, дивился, что такой здоровый по всем параметрам мужик может чего-то бояться. Хотя прекрасно знал он, что при сонном параличе чаще всего люди испытывают нечеловеческий страх.

После сидели за кухонным столом, пили

чай. От самогона Алексей отказался, и Фёдор тоже решил пока не употреблять.

— Ну, рассказывай, что у тебя стряслось? — обронил Алексей. — Чего кота за хвост тянуть.

Медведев растерялся, перевёл взгляд на жену. Та неловко улыбнулась.

— От баба! Лишь бы язык почесать обо что, — нахмурился. — Ты её, Лёха, не слушай. Сама толком ничего не знает, а наплетёт, будто пельменей объелась.

— Вот и хочю узнать, что по этому поводу думаешь и как на всё это смотришь.

Фёдор, покосившись на супругу, принялся рассказывать, что за беда обрушилась на него в последнее время, как боится уснуть и лишиться рассудка.

— Проснусь иной раз, приоткрою глаза — и всё как наяву: потолок, люстра, стены... а пошевелиться не могу. Голоса слышу. Будто кто разговаривает. Первая мысль: помер. Сердце, пока спал, остановилось, а мозг ещё работает. Но и этому быть недолго. И жалко себя становится, и страшно до жути. Кому умирать охота?

Алексей, внимательно выслушав, потянув время, сказал:

— Синдром старой ведьмы.

— Какой-какой ведьмы? — вскинул брови Фёдор.

— Попросту говоря — паралич.

— Приплыли, — Медведев посмотрел на жену. Та, как могла, изобразила испуг. — И что делать?

Алексей вышел из-за стола, подошёл к окну. Пока разглядывал вечерний двор, Фёдора от волнения пробил пот, а тот молча прошёлся по кухне, наконец вновь присел за стол и незаметно подмигнул сестре.

— Что тут сделаешь, — убедительно произнёс он. — Первая стадия психического расстройства. Дальше будет хуже... К сожалению, если это запустить на ранней почве... будет неизлечимо.

Фёдор выпучил глаза. Вмиг представил психиатрическую больницу и крепких санитаров в белых халатах, что заламывают руки и насильно делают укол.

Потирая ладонью лицо, Медведев тревожно спросил, как, мол, теперь быть.

— Обычно, если нам привозят с таким рас-

стройством животных, мы их попросту усыпляем. Сделал укол — и бедняга не мучается, — ответил Алексей. — Тебя, естественно, усыплять никто не будет. Поместят в изолятор и привяжут к постели.

— Ч... чего? — Медведев растерялся не на шутку.

— Пойми, это очень страшное и редкое заболевание. Организм через сон даёт понять, что вот она, последняя грань. Дальше пути назад не будет. Ещё шаг — и пропасть. А там... только дурка. Пожизненно. И с такими же пациентами... К сожалению, нынешняя медицина пока бессильна. Стоит перейти черту и... каждый день подобные кошмары, тридцать пять уколов в сутки и полная изоляция, — со всей серьёзностью заверил Алексей.

— Отчего это всё? — изображая ужас, спросила Ирина. Она догадалась, к чему брат клонит.

— У животных происходит, как правило, от отравления. Где-то что-то съели не то — и пожалуйста. У людей причиной всему является алкоголь. Данное расстройство встречается в первую очередь у пьющих и у наркоманов. Последнее в нашем случае исключаем сразу.

— Господи, — Ирина взялась за голову. — Это лечится? Скажи честно.

— На первой стадии — да, излечимо. Люди возвращаются к прежней жизни... Единственное, нужно перебороть самого себя и бросить пить. Отказаться от спиртного полностью. Ни пива, ни полкружки, ни единой капли. Полностью. А иначе... Впрочем, я уже говорил.

В доме стало тихо. Медведев, размышляя, что делать дальше, нервно переваривал весь ужас от услышанных слов. Прикрыв ладонью глаза, тяжело вздохнув, произнёс:

— Придётся бросить пить.

— Извини. Я не могу так рисковать, — по-предательски повёл себя Алексей.

— То есть? — оторопел Фёдор. — Лёх, ты чего?

— Завтра же должен буду сообщить об этом куда следует. А там... Пойми, это большой риск. В первую очередь ты представляешь угрозу окружающим.

— Лёха! — Фёдор всерьёз испугался, вскочил на ноги, стал нервно расхаживать по кухне. —

Никуда сообщать не нужно. Ты чего?.. Я же тебе по-родственному открылся. А ты...

— Пойми и ты правильно. Я не могу рисковать, — противился Алексей.

— Ты в своём уме или как?

— Как раз таки я в здравом уме.

— А я? Я что, по-твоему... Ты из меня психа не делай! — закричал Медведев.

— Ну вот, пожалуйста, — спокойно среагировал Алексей. — Что и требовалось доказать. И руки трясутся. И с собой совладать не может. Нет. Так дела не пойдут.

— Тихо-тихо-тихо... Хорошо. Не будем кричать. Ты прав, — Фёдор присел за стол. Отпил остывший чай. Смахнул со лба пот: когда нервничал, всегда потел. — Завяжу с вином. Слышишь? Клянусь тебе.

— Надолго ли? — усомнился Алексей. — Сколько раз обещал. Толку с этого мало.

— Слово даю — брошу.

— Ты и раньше божился на Библии, — упрекнула Ирина. — Сам знаешь, Федя, не по силам тебе от этой заразы избавиться.

Фёдор приутих. Всё оно было так. Сколько раз пытался взять себя в руки, обещал себе и людям, а в итоге... Через месяц-другой напивался и уходил в загул.

— Родственник называется, — со злобой выдал Медведев.

— И по-родственному постараюсь помочь... Есть у меня давний знакомый в городской психбольнице. Замолвлю о тебе слово.

Фёдор подошёл к окну. Долго глядел, не шелохнувшись, вдаль.

— Нет. Меня не проведёшь. Пусть хоть на месте убивают, а я туда ни ногой. Коли укут, обратно не выпустят, знаю, — и добавил: — Предатель.

— Вот и вся благодарность, — обиделся Алексей. — Наверное, это я с одной работы на другую перебегаю да на шее у жены сижу. Допился до чёртиков — и все кругом виноваты. Тебя предупреждали. И не раз. Добром это не кончится. Вот, пожалуйста. А то что... ты прав, Фёдор. Ляжешь и уже не выйдешь. Там у них таких называют просто — овощ. И отношение соответствующее.

У Фёдора от волнения затряслись руки. Спрятал ладони в карманы брюк, потухшим взглядом

вновь уставился в окно. За спиной доносился жалобный голос супруги. Та уговаривала брата войти в положение, помочь (что в его силах) и держать язык за зубами. Уверяла, что он, Фёдор, как бы ни было тяжело, с вином обязательно расстанется. Скоро, мол, осенью, вернётся из армии сын. Если отца укутут в психбольницу, и ему, пареньку молодому, хорошую работу, которой и так нет, найти будет тяжело.

Всё в словах её было правильно — как чёрным по белому. До того правильно, что вновь осознал в себе Фёдор подлеца. Совесть и раньше трепыхалась в груди, тербила душу и мочила глаза. Но... как-то легко она, совесть эта, запивалась вином. Махнёшь на всё рукой, опрокинешь стакан-другой, занюхаешь рукавом и... хоть плюй в глаза — божья роса. Сколько раз обещал жене и сыну бросить! Сколько раз божился перед матушкой покойной, что не притронется к бутылке! И всё равно напивался. Топил душу в этом огненном яде. Оно ведь проще всего замкнуться и уйти от всех и всего на дно стакана. Другое дело — взять себя в руки, выкарабкаться из этой зловонной трясины и трезвыми глазами взглянуть на всё происходящее. Если бы не жена с тещей, давно бы по миру пошли. Хоть и крепок телом, и работать мог... Да куда с таким багажом на работу!

И всё же, как бы Фёдор ни напивался, как бы ни опускался, а всё-таки маленькая, самая крохотная надежда всегда жила с ним. Мол, обязательно поднимется на ноги и на сей раз это последняя пьянка. Была надежда, которая хоть иногда успокаивала душу. Теперь же... Алексей попросту отнимал и её. Выдёргивал из груди Фёдора силой. Нет, человеку нельзя без надежды. Маленький луч света в конце туннеля всегда должен быть. А иначе... для чего тогда жить?.. Фёдору сделалось страшно. Когда сам у близких ему людей отнимал эту самую надежду и веру в себя, как-то с этим жил, и жил неплохо. Теперь же, стоило самого лишиться права на будущее, как вмиг оседлал ужас.

Вот звёзды появились в вечерних сумерках. Вот баня, сарай, забор. Там, за околицей, река, поле, лес... Жизнь крутится-вертится, и ты вместе с ней незаметно тоже крутишься-вертишься... живёшь. Одним разом, оказывается, это можно всё отнять... Простыня, потолок,

медсестра, уколы, кошмары, снова — потолок, простыня... Нет, лучше и вовсе наложить на себя руки.

— Хорошо, — как гром среди ясного неба раздался голос Алексея. — Утаю известие.

Супруга на радостях залепетала. Посыпались благодарные слова.

— Будет тебе, — одёрнул Алексей сестру. — Учтите: до первого раза. Вы и меня под монастырь подведёте враньём этим: знал и не доложил. А случись не дай бог чего... На мою же совесть грех ляжет, — помолчал. — Поступим, значит, так. Закрываю на всё это глаза. Быть по-вашему. Но не дай бог если что проведу и ты не доложишь, — обратился к сестре.

— Крест даю: молчать не буду. Тут же сообщу. Самой терпеть не по силам более. Хватит.

— Племянника жалко. Так бы... Ладно. Будь что будет.

Стало тихо. Фёдор утёр влажное лицо ладонью и, подойдя к кухонному гарнитуру, достал початую бутылку самогона. Открыл. Вылил в раковину. Смыл водой.

— Слово даю, — пообещал Медведев.

— Время покажет, — только и ответил Алексей.

Потоптавшись на месте, чувствуя неловкость, Фёдор достал папиросы, осторожно поинтересовался, позволено ли ему курить. Алексей, не меняя строгого вида, кивнул. Медведев в сланцах покинул избу.

— Надо же, струсил как. Кто бы мог подумать, — тихо засмеялась Ирина. — Поможет, как думаешь?

— Повод есть. Уже хорошо. Бывает, под страхом смерти люди творят неведомое. Страх — сильный аргумент. Главное, не забывай напоминать ему об этом. А там... поживём — увидим.

На улице поднялся ветер и пошёл дождь. Вернулся Фёдор. В избе по-прежнему было тихо. Говорить не хотелось. Каждый думал о своём. И лишь дождь с каждой минутой усиливался и отчаянно барабанил в окно.

КОҢИ ПРИВЕРЕДЛИВЫЕ...

*Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю...
Что-то воздуху мне мало — ветер пью, туман глотаю...
Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю!..*

Владимир Высоцкий

Летним субботним днём к Николаю Доронину заглянули в гости сын с невесткой. Прибыли из города. Николай истопил баню. Парились с Егором на славу. До изнеможения хлестали разгоряченные тела берёзовым веником и лили воду тазами, не жалея. Баню Доронин уважал. С особым трепетом таилась в его душе любовь к трём вещам: рыбалке, задушевному песням у костра и бане.

«Отдыхать надобно уметь душой. И счастлив тот, кто душу свою, как рубаху, распахнута готов да по ветру пустить окаянную в час веселья, — размышлял иной раз Николай. — И пропащие те, кто у забора лежит да пьяным рылом издаёт свиначий храп».

Уже после за кухонным столом распивали с вареньем чай, любуясь в окно вечерними сумерками. Оказывается, не с пустыми руками навестил сын отца. Привёз подарок: телефон сотовый, сенсорный. Пусть и не новый (свой старый Егор отдал), но в хорошем состоянии.

— Ишь ты, — расплылся в улыбке Николай, тронутый подарком. — Да рази сумею я им управлять, а?

— Ничего здесь сложного нет, — вмешалась невестка. — Сейчас вам покажем всё, объясним, и сами убедитесь, как просто всё.

И показали. Разъяснили до мелочей. Николай дивился и чесал затылок. Во всё вник быстро. Особо порадовало, когда сын по Ватсапу прислал ему на телефон фотографию внучки.

— Алле-оп!.. Примите, пожалуйста, и распишитесь. Фото на память.

— На рыбалку пойдёте, не забудьте уловом похвастаться. Грибы осенью пойдут, обяза-

тельно запечатлите. Ну, а мы... мы на море скоро едем. Тоже фотоснимками поделимся, — сказала невестка. — Удобно, правда?

— Ишь, — дёрнул Николай подбородком. — До чего техника дошла.

— Да-а, — улыбнулся Егор. — Наука не стоит на месте. Грядут большие перемены. Лет пятнадцать-двадцать ещё — и... по воздуху друг к другу добираться будем. Летать сможем.

— Как летать? — вскинул брови Доронин. — На машинах?

— Ну, типа того.

— Ишь... делается что.

Егор с супругой улыбнулись.

Утром Николай помог сыну погрузить в машину мешки с картофелем. Быстро попрощались, и гости укатили обратно в город. И захотелось Доронину, словно ребёнку, похвастаться телефоном. Радость и гордость за подарок от сына ликовала в душе, не давая покоя. А что? Пусть все знают, чем порадовал Егор. Не каждый в деревне мог похвастаться эдаким аппаратом. Молодёжь, конечно, вся с такими. На то она и юность, чтоб идти в ногу со временем. А вот у сверстников да тех, кто постарше, телефон в кармане имелся через одного — и то простенькие. Такого, каким сейчас обладал Николай, не было ни у кого. Можно, пожалуй, и хвастануть разок. Большого греха в этом, поди, не будет.

Накинув пиджак на плечи, причесавшись у зеркала, Николай направился по гостям. В воскресный день редко кого застанешь без работы. У всех хозяйство. Во дворе дел невпроворот. А тут ещё сосед пристал не пойми с чем. Мужики закуривали, внимательно разглядывали телефон и кивали широкими лбами.

«Ну да, — говорили, — ничего. Молодец. Толковая вещь».

На этом беседа заканчивалась. Мужики топтали окурки и возвращались к своему делу.

— Ни черта вы не понимаете, гуси, — сердчал Николай, шагая по улице. — Это же... это... цивилизация!

На дороге показались Фома и Митяй. Парочка всюду ходила не разлей вода и весь божий день искала, где бы им смочить горло. Побольше и бесплатно. Был у них третий дружок — Дениска, да замёрз прошлой зимой. Не дошёл до родительской избы шагов двадцати. Присел

спяну на сугроб и очурился. Теперь Фома с Митяем расхаживали по селу вдвоём, предлагая каждому встречному трудовую силу: где что надобно вскопать, сломать, разобрать или перенести. На большее они не годились.

— От они. Два брата-акробата, — остановил их Николай. — Как всегда. Мы с Тamarой ходим парой... Позавидуешь даже.

— Послушай умную речь, — обронил Фома.

— Может, приколотить надо что или подсобить где? Ты скажи. Мы поможем, — предложил Митяй.

— Премного благодарен, — Доронин ладонью потёр грудь. — Душа праздника требует. Самогон имеется, а выпить не с кем. Пряма беда.

— Николай Петрович! Дорогой вы наш, — залепетал от радости Митяй и зачем-то снял кепку. — Понимаем вас как никто другой. Праздника нынче душа желает. Праздника!.. Это вы верно подметили.

— Поможете решить проблему?.. Пройдём ко мне?

— Нужно будет — на руках донесём, — обрадовался Фома. — Хорошего человека всегда видно. Даже издали.

Дома Николай достал из серванта литровую бутылку самогона и вышел на крыльцо, где ждали «друзья» по празднику. Впускать в избу гостей не хотелось, потому расположились на крыльце. Доронин поставил на скамью тарелку с зеленью.

— Банкуйте, — важно произнёс он.

Николай не был любителем подобных гулянок, выпивал редко. В хорошей компании, на праздник какой или по приезде гостей пригубить мог — не более.

Фома разлил самогон, быстро со всеми чокнулся, выпил, не поморщившись, да надкусил огурец. Митяй к еде не притронулся. После первой, мол, не закусывает.

«Н-да... те ещё галыги», — подумал Доронин и вынул из кармана пиджака телефон.

— Видали!.. Сын подарил.

— Ну-ка, ну-ка...

— Руками не трогать. Смотрите так.

— От это я понимаю! — поднял большой палец Фома. — Вещь.

— Поди, денег больших стоит, — подметил Митяй.

— Ясен пень, — обронил Фома. — Не одну зарплату отдашь... Может, повторим? Так сказать, обмоем подарок.

— Не возражаю, — улыбнулся Доронин. Ему было приятно.

Пока разливали, Николай с телефона зашёл в Яндекс. Выпили. Закусили луком, огурцом.

— Что же мы, товарищи, без музыки сидим, а?.. Нехорошо. Нехорошо. Душа праздника просит, а не унынья. Эт, конечно, не песни у костра, но всё же. Смотрите, как могу.

Доронин, как учила его невестка, в голосовой поиск чётко сказал: «Высоцкий. Песни». Погодя, в телефоне раздался голос Владимира Семёновича:

*Вдоль обрыва, по-над пропастью,
по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю...*

В эту драгоценную минуту душа Николая трепыхалась в груди, словно пташка. И если был бы он сейчас один, то обязательно подпел и, возможно, даже пустил бы слезу. Доронин уважал Высоцкого. Любил его песни. Голос артиста хватал за самое сердце и не отпускал до последнего куплета.

Николай прикрыл глаза. Слушал песню. Изредка покачивал головой.

Послышался голос Митяя:

— Чего это они привередливые? Это, извините, вам не козёл.

— А козёл здесь при чём? Козлы упрямые да вонючие. Это все знают, — возразил Фома. — Вот, скажем, свинья...

— Ха! Вы слыхали? Николай!.. Я не могу. Козлы у него упрямые. Это же. Ха-ха. Упрямые бараны бывают да ослы... Свинью привередливую где видел? Жрёт всё что ни попадя.

Николай недовольно шевельнул скулами. Песня была испорчена. По-прежнему играла в телефоне, но никто её уже не слушал. Разговор во время музыки неприятно колотил копытами в душу.

— Послушаем другую. Тоже... мою любимую, — уточнил хозяин крыльца.

— Возражений не имеем, — кивнул Фома. — Может... ещё по чуть-чуть?

— После повторим, — Николай надеялся, хоть так будет тихо.

В телефоне зазвучал всё тот же голос:

*Протопи ты мне баньку по-белому —
Я от белого света отвык.
Угорю я, и мне, угорелому,
Пар горячий развяжет язык...*

И вновь душе Николая не дали распахнуть крылья. Ничего особенного для этого не требовалось. Всего лишь тишины. Но, видимо, и это не под силу некоторым.

На припеве Митяй не выдержал:

— Правильно поёт. Баня по-белому, это... вещь! По-чёрному теперь, поди, Гаврила только и топит. Леня баню перебрать. От и мается дядя. Жену с ребяташками мучает.

— Понимал бы чего, — возразил Фома, который был годами старше.

— Тут и понимать нечего.

— Гаврилу давно знаю. Эт сейчас руки не подаст. А были времена — вместе парились.

— Поздравляю, — усмехнулся Митяй.

— По-чёрному топить нынче не каждый сможет. Тяжелее. Потому и обленились. Гаврила... Гаврила — банник от бога. Со всей строжайшей ответственностью берётся за это дело. Любо поглядеть. Бывало, предложишь помощь — насупится. Сиди, мол, не встречай. У бани, говорит, один хозяин быть должен. О как... А ты говоришь... Не гляди, что хиленькая она у него и невзрачная. Так протопит — все грехи разом смоешь. Не зря ить говорят — дочиста отмоешь лишь чёрная баня... Давай, Коля, ещё по одной пропустим... Ох, песня за душу берёт. Ей-богу.

Митяй, не дожидаясь ответа хозяина крыльца, взял бутылку, принялся разливать.

— Ну вот. Мило дело, — улыбнулся Фома. В динамике телефона по-прежнему надрывался хриплый голос. Николай стиснул зубы. Выпить на сей раз не изрёк желание.

— Что такое? — Фома подал Доронину налившую стопку. — Некрасиво. Некрасиво. Обидно даже. Гулять так гулять. Всем вместе.

— Хочешь акробатический этюд увидеть? Гляди суда! — и Митяй, поставив стопку на локоть, умудрился извернуться и опустошить бедняжку до дна. — О-па!.. Как гусар молодой.

— Чтоб дети грома не боялись, — вымолвил Фома тост и быстро выпил. Доронин поставил

нетронутой стопку. На это никто не обратил внимания. Митяй по-барски растянулся на лавке крыльца. Светило солнце. Было тепло. Погода радовала. В такое утро пожелаешь взгрустнуть — не получится. Но... праздника не было. Что-то шло не так.

— Давай нашу споём, — обратился Фома к Митяю. — Уничтожим в этом маленьком уголке грусть.

И друзья в один голос запели:

*Как много разговоров о вине,
Все говорят, что алкоголь всем вреден.
Но только наплевать на это мне,
Не пьёт его лишь тот, кто духом беден...*

Николай с прищуром глядел на весёлые горластые лица собеседников. Всё у них шло хорошо. Даже замечательно. Умудрились утолить этим утром нужду. Нашёлся-таки дурачок один, угостил вином. Теперь у людей праздник. Как мало, оказывается, надо для этого некоторым. Двести грамм за воротник, и... гуляй, рванина. А может быть, это он, Николай, не умеет отдыхать? Чем, скажите на милость, недоволен? Чего хмурить лоб и супить брови?.. Мужики, спев песню, взялись за вино. На предложение выпить Доронин промолчал, отвёл взгляд. Уговаривать не стали. Выпили вдвоём.

— Настроение, оно, конечно, брат, такая штука, — обратился Фома к Николаю, пытаюсь хоть как-то взбодрить. — Счас в пляс идти готов, а через минуту волком завоешь. Вот и разбери, в чём дело.

— Непредсказуем характер человека, — согласился Митяй. — Помнишь, как у Филипыча день рожденья отмечали? Боярышника испили... думал, от изжоги помру.

— Эт когда я в крапиве уснул?

— Ну, — расплылся в улыбке Митяй, припомнив такую картину. — Всё шло как по маслу, пока именинник не загрустил. С чего бы вдруг?.. Поначалу подумали: опьянел. Ан нет. Уставился в одну точку, как ослик Иа, и того гляди слезу пустит. Чего, спрашиваем его, стряслось? А он — вот ещё один прожитый год на плечи лёг. Старею.

— Да-да. Было такое, — кивнул Фома.

— Ни с того ни с сего тоску на себя навёл.

Стареет, видите ли... Денис быстро в себя вернул — успокоил одной фразой. Он в этом деле, царствие ему небесное, мастак был. Как сейчас помню, говорит: «Эх ты, головушка соломенная. Ничегошеньки ты не понимаешь. Жизнь, говорит, даётся всем, а старость — избранным. Многим в этом было отказано. Не жалею никогда о прожитых днях».

— Да-а... — промолвил Фома. — Знал, как сказать... И сам ушёл молодым. Эх, Дениска, Дениска... Помянем друга.

— Не чокаясь, — Митяй принялся разливать.

Николай взял стопку, молча выпил со всеми.

И вновь завязался разговор, который был Доронину чужд. Вспоминались пьяные посиделки, пошлые анекдоты, шли нелепые рассуждения о жизни. Телефон Николая молча лежал в нагрудном кармане, и никому до него не было дела. Подарили, мол, и подарили. Что ж теперь. Не помереть же с радости. Подумаешь. Доронин хотел было перебить весельчаков, поделиться мыслью о том, что через несколько лет человек сможет летать по воздуху. Как птица. Вот где действительно восьмое чудо света. Открытие века!.. Но промолчал: не поймут. Чего доброго поднимут на смех и будут правы. Не придерёшься.

— Сам виноват, — тихо произнёс хозяин дома, когда в очередной раз гости распили самогон.

Ему не предложили: не желаешь, мол, и не надо, больше нам достанется. — Не в те дебри нос сунул... На своём же крыльце чужаком сижу.

— Что говоришь? — не расслышал Фома.

— Налей ему, чего ты, — сказал Митяй.

— Всё. Хватит. Пора закружиться, — обронил Николай.

Как обухом ударил. В воздухе мгновенно затаилась тишина, которой так не хватало. Пьянчуги, раскрыв рты, с непониманием и тревогой глядели на Николая. Даже злоба виднелась в глазах.

— Самогон можете забрать. Ступайте.

Митяй с Фомой переглянулись, схватили бутылку и быстро покинули крыльцо. Краем уха Николай услышал удаляющийся разговор:

— Чего это с ним?

— Да разве его, чудика, поймёшь. От и Гаврила тоже. Хмурился, хмурился, а теперь и руки не подаст. Строят из себя интеллигентов. Тьфу!

Доронин достал телефон. Нашёл Высоцкого. Из динамика с надрывом в голосе раздавалось: «Но что-то кони мне попались привередливые...» Николай, обхватив голову ладонями, прикрыл глаза и тихо запел.

□

Антон Евгеньевич ЛУКИН

родился в 1985 году.

Окончил Ардатовский аграрный техникум.

Прозаик. Автор девяти книг прозы.

Публиковался в периодических изданиях, среди которых

«Наш современник», «Огни Кузбасса»,

«Литературная учеба», «Южная звезда», «Молодая гвардия»,

«Литературная газета», «День литературы» и др.

Лауреат премии «Умное сердце» имени Андрея Платонова (2012).

Дипломант всероссийского конкурса «Золотой Дельви́г» (2013).

Лауреат ресурса «Российский писатель» в номинации «Новое имя» (2013),

гран-призер литературного конкурса «Хрустальный родник» (2014),

финалист международной Южно-Уральской премии (2015),

финалист Корнейчуковской премии (2016, 2017).

Член Союза писателей России.

Живет в селе Дивеево Нижегородской области.

